

Поздравляем
с праздником
Великого Октября!

КОСТЁР

11 НОЯБРЬ 1979

КОСТЁР

11
НОЯБРЬ
1979

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костёр“, 1979 г.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

**ТОКАРЬ
ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ
НОСОВ,**

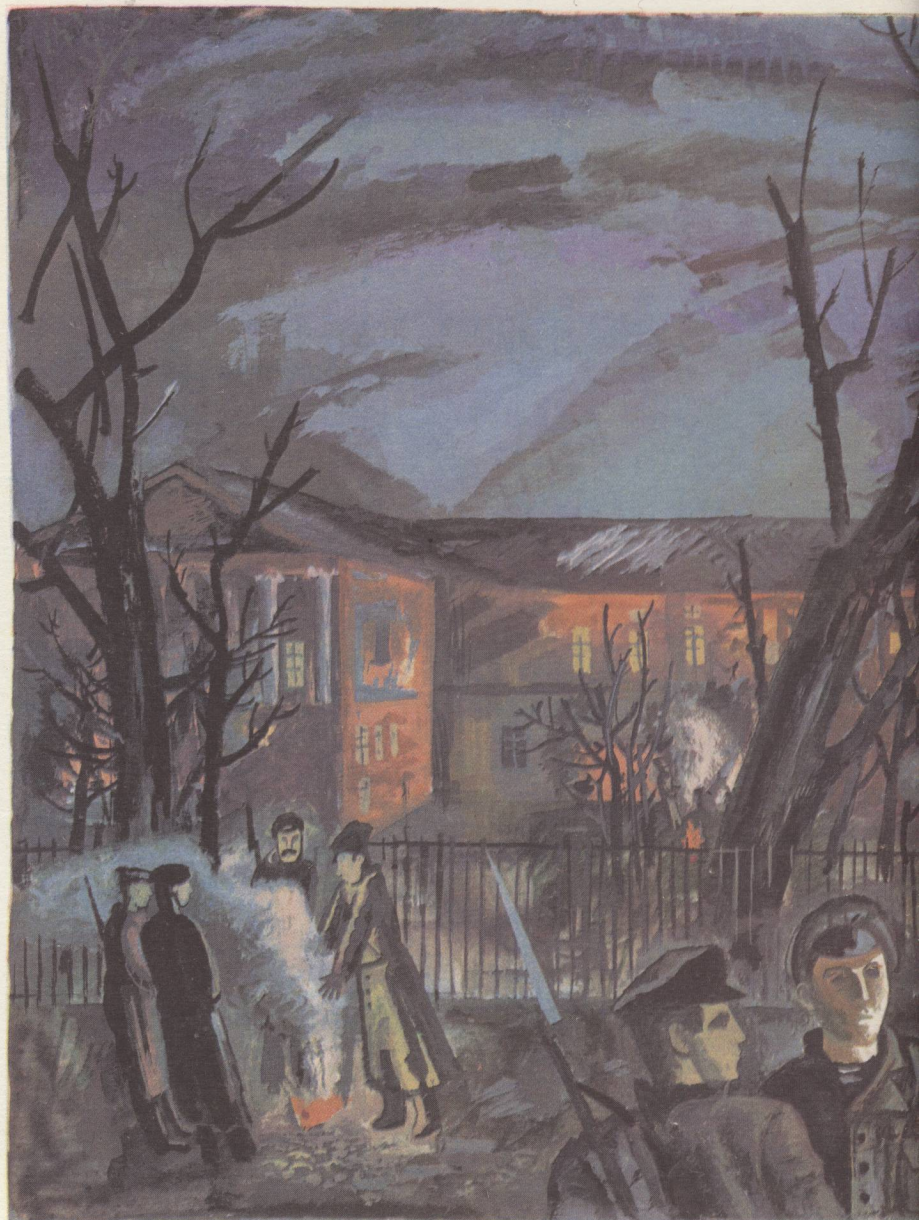
Герой Социалистического Труда,
работает
на самом большом станке

●
О первой мельнице
Советской республики
читай очерк Т. Орловской

●
Выставка плакатов—
живая летопись Революции

●
**СЛЕДОПЫТЫ
И ЮНКОРЫ „КОСТРА“!
ВКЛЮЧАЙТЕСЬ
В ЛЕНИНСКИЙ ПОИСК!**

На обложке
рисунок В. Топкова «Праздник»

ИМЕНИ ЛЕНИНА

ПЕРВАЯ

Хлеб для революции

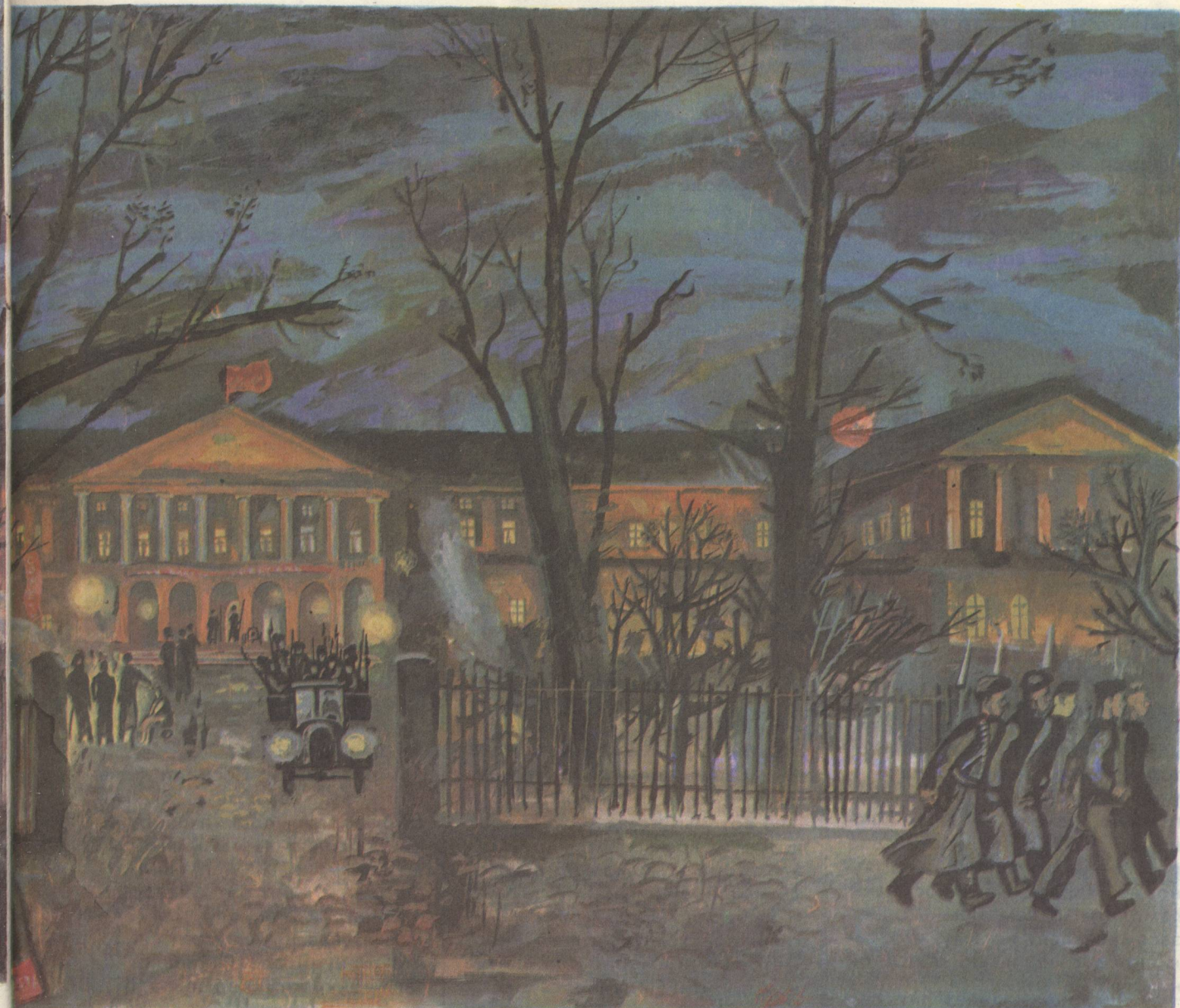
Шел 1917 год. Студеный октябрьский ветер катил по булыжным мостовым Петрограда последние жухлые листья. Со всех концов города по притихшим в ожидании бури улицам шли к Смольному отряды красногвардейцев и революционных солдат.

На Деминской улице, около маленькой пекаренки, что находилась при крупнейшей в

России мельнице купца Мордуха, стали останавливаться подводы с мукой. Мукомолы, натужась, заносили тяжелые мешки в пекаренку и сбрасывали у дверей. Выросла гора под потолок. Пекари, изумленно ахая, пересчитывали мешки.

— Революции нужен хлеб, — сказали им. И спросили: — Справитесь?

Пекарей было мало. И тогда мукомолы стали на места подсобников, кочегаров... День и ночь без отдыха дымили трубы

МЕЛЬНИЦА

пекарни. Горячие буханки укладывали прямо на возы. Пахучий, окутанный паром обоз отправляли к Смольному. Там хлеб раздавали революционным бойцам. Буханку делили на семерых, и ржаная краюха хлеба была так же нужна красногвардейцу, как и винтовка.

Около 300 пудов хлеба — более четырех тонн! — было выпечено и отправлено в Смольный, в дни, когда свершилась революция, и в первые дни Советской власти. А в но-

РЕСПУБЛИКИ

ябре в соответствии с решением Советского правительства мельница перешла в собственность государства. Это была первая мельница Советской Республики.

Шесть километров ржаной муки

От Смольного до мукомольного завода имени В. И. Ленина, если идти вдоль Невы, не так уж близко. Можно, конеч-

но, сесть на автобус, и тогда, подъезжая к заводу, непременно услышишь: «Следующая остановка — мельница Ленина». Так вот уже почти шестьдесят лет называют ленинградцы мельницу. Никто уже и не помнит, что был когда-то какой-то купец...

Мы решили пройти этот путь пешком. Мы — это я, автор, и Лешка с Мариной — брат с сестрою, соседские ребята, которых пригласила я с собою на завод. А решились мы на пе-

Т. ОРЛОВСКАЯ

Рисунки
О. Яхнина

ший поход не просто так. Была у нас своя задача.

Конечно, нам бы хотелось, чтоб шли мы именно тем путем, каким октябрьской ночью 1917 года, охраняемый красногвардейцами, шел хлебный обоз в штаб революции. Но пути этого никто не знает. Нет уже тех людей, которые, рискуя жизнью, совершали этот подвиг. Это они в 1922 году, когда страна отмечала юбилей Октябрьской революции, обратились в Петроградский Совет с просьбой присвоить их предприятию имя Владимира Ильича Ленина.

— Она у нас самая большая? — спрашивает Лешка. Он никак не хочет говорить «завод». Мельница — романтичнее, даже сказочнее. На заводах он уже был, а вот на мельнице — никогда.

— Нет, — отвечаю. — Это когда-то она была гигантом.

Лешка припомнил, как встречал на улице машины со странными пузатыми емкостями вместо кузова, с крупной надписью — МУКА. А Марина, которая была старше Лешки и уже проходила в школе географию, очень ученым голосом сказала, что на большие расстояния грузовики, вероятно, не отправляют, а посылают самолеты. В чем Лешка очень засомневался, потому что самолетов с надписью МУКА он никогда не видел.

И все-таки самолеты с мукой бывают. «Посылки» от мельницы получают по воздуху зимовщики станций СП.

Снуют по реке Неве веселые катерки, тархтят деловые буксиры. А у самого берега, чуть впереди, широкая, плоская, как ладонь, баржа стоит. Я зову ребят к ней.

...В октябре 1941-го, когда хлеб в осажденном Ленинграде был на исходе, водолазы Балтийского флота подняли со дна Ладожского озера баржи с зерном, потопленные вражеской авиацией. Вот такие, как эта. Зерно тут же доставили на мельницу Ленина. Оно уже проросло, но все же это было настоящее зерно! А ведь в те дни мукомолы обрабатывали и добавляли в блокадный хлеб

солод, оставшийся на пивоваренных заводах, рисовую лузгу, сою, чечевицу, кукурузные отруби...

Рабочие разложили зерно на брезент и часами ворошили тяжелую массу, чтобы просушить и перемолоть на муку.

Вот он — состав блокадного хлеба, кусочек которого лежит сейчас, как священная реликвия, в Музее истории Ленинграда: ржаная мука — 67,9 процента, обойная пыль — 9,9 процента, жмых — 6 процентов, смётки — 2,5 процента, солод — 8,6 процента, дефектная мука — 3,1 процента, целлюлоза — 2 процента.

— А что такое смётки? — спрашивает Марина.

— И обойная пыль? — тут же добавляет Лешка.

А я не могу объяснить. Я не знаю. И мама их наверняка тоже не знает. Только бабушка помнит этот липкий, тяжелый, маленький кусочек темного цвета, который называли в сорок первом хлебом.

— Вы запишите, — серьезно говорит мне Лешка, — чтоб мы не забыли спросить на мельнице про смётки и про пыль...

И вот мы стоим у сквера, за которым возвышается громада элеватора мукомольного завода имени Ленина.

Выбирая маршрут, мы вымеряли по схеме, сколько километров примерно придется нам пройти. Получилось шесть. Как раз на столько протянулся бы поезд, груженный мукой, которую вырабатывает завод только за месяц. И когда мы шли, мы ни на минуту не забывали, что идем как бы по крышам вагонов.

Как мы главного не увидели

— Михаил Иванович Крутос, — представился нам пожилой мужчина, с добрыми и веселыми светлыми глазами на удивительно белом лице. Словно он по утрам не водой, а мукой умывался.

— Мельник! — восторженно выдохнул Лешка.

— Не мельник, а главный технолог, — засмеялся Михаил Иванович. — Ну, а теперь да-

вайте договоримся: все вопросы — после экскурсии. Потому что в цехах шум большой. Так что говорить только я буду.

— Это жернова шумят? — опять встрял Лешка.

— Жерновов здесь никогда не было. В станках крутятся валы с наждачной поверхностью. Потому станки называются вальцовые. А шум не от них, а от вентиляционных установок. Воздух у нас — ни пылинки! Здесь ведь особая пыль — мучная. Без хороших вентиляторов из-за нее вы бы и станков не увидели.

— А обойная пыль это какая? — спросила Марина.

— Да та же и есть... А ты откуда о ней знаешь? — удивился Михаил Иванович. Мы рассказали. И тогда услышали, что смётки это не сырье какое-то, а тоже пыль, которую сметают со станков, с их деталей, с внутренних стенок трубопроводов, по которым движется крупа и мука.

Но в помещении, в котором мы очутились, вовсе не было того шума, к которому мы приготвили. Посреди большого зала стояли в ряд несколько громоздких сооружений, похожих на металлические ящики очень неправильной формы. От них во все стороны к стенам и к потолку расходилась рукава. А внутри ящиков что-то шуршало и капало. Да так звонко и гулко капало, будто там находилось с десяток наспех завернутых водопроводных кранов.

Михаил Иванович подвел нас к ближайшему агрегату. Оказалось, что с одной стороны ящика есть большое отверстие, через которое видно, что происходит внутри. А там в горизонтальном положении, под чуть заметным наклоном подергивались металлические сетки — взад-вперед, взад-вперед. И по ним откуда-то из темноты ящика двигалось мокрое зерно. Только не ржаное, а... всякое.

— Здесь происходит очистка зерна от сорняков, минеральных солей, примесей, — пояснил Михаил Иванович.

Потом Михаил Иванович подошел к одному из рукавов,

что от машины тянулся к потолку, и в стенке его открыл маленькое окошечко. Просунул руку и достал пригоршню чистых зерен. Лешка тут же схватил одно зернышко и сунул в рот.

— Как камень... — прошептал он, пытаясь размельчить зерно зубами.

— И станкам не сразу удастся размолоть его, — продолжил рассказ Михаил Иванович. — Сейчас оно поднимается во второе отделение, к вальцовым станкам. Они дробят его сначала на крупу, потом на муку...

Вот там было очень шумно. Несколько рядов станков в такт друг другу непрерывно тряслись, словно каждый из них исполнял упражнение с хула-хупом. Вместо ножек снизу было у них по четыре шланга, которые извивались и приседали, как живые. А за стеклянными дверцами можно было разглядеть по два вала. Тесно соприкасаясь, они вращались навстречу друг другу, перетирая зерна.

Посреди зала густой сетью от пола до потолка висели рукава-шланги. Они напоминали корневища гигантских деревьев. И часть этих рукавов ответвлялась к станкам. По этим шлангам транспортировалось из цеха в цех, из отделения в отделение зерно, крупа, мука.

В следующем отделении были такие же станки и такие же шланги-корневища. Только гул стоял еще громче.

И тут мы впервые обратили внимание на то, что, пока ходили по огромному зданию мельницы, не встретили ни одного человека.

— Где же ваши мукомолы? — с подозрением посмотрел на главного технолога Лешка.

— У нас на заводе, если считать вместе со служащими, работает всего 90 человек. Все производство автоматизировано, рука человеческая к зерну не прикасается. С элеватора оно по автоматизированной линии поступает в подготовительное отделение, да так, не оставиваясь, и движется до

самой упаковки. Вот сюда...

Мы вошли в последнее отделение. Два человека стояли возле бункера, сосулькой свисающего с потолка. Работник подсовывал под бункер толстый мешок. Бункер отпускал в него точно вымеренную порцию муки, от которой мешок раздувался и становился устойчивым. Потом мешок сам отъезжал от бункера метра на два и попадал под удивительную машинку. Она ловко захватывала края мешка и протрачивала толстой иглой. Чик-чик-чик — и мешок зашит большими плотными стежками. Потом он падал на бок и уплывал на транспортере куда-то за пределы цеха.

— Есть и другой способ упаковки, бестарный, — сказал Михаил Иванович. — Это когда мука из бункера загружается прямо в муковоз...

— Ловко! — Лешка подошел к Михаилу Ивановичу и дернул его за рукав. — А самой муки-то мы так и не увидели...

И вправду, так и не увидели мы на мельнице муки.

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

ПОВЕСТЬ*

Рисунки М. БЫЧКОВА

Старинный сундук, Максим и фотографии Талтусова

Большой древний сундук стоял в Олиной квартире давно — до рождения Оли и даже до рождения Олиной мамы.

Олина бабушка рассказывала Олиной маме, что много лет назад жили в их квартире соседи — муж с женой и ребенком. Когда началась война, жена с ребенком уехала в другой город и больше от них вестей не было. А муж, уходя на фронт с народным ополчением, взял с Олиных бабушки и дедушки клятву хранить сундук до тех пор, пока он не вернется.

Он так и не вернулся, а сундук стоит в коридоре.

Оля давно мечтала посмотреть, что там спрятано, из-за чего, уходя на фронт, надо было брать клятву.

Сейчас Олины родители пошли в гости к друзьям. Олю оставили на диванчике — лечить ногу и разговаривать с попугаем Орликом.

Орлик раньше любил бродить по квартире. Где люди — там и он. А с этой зимы стал чаще забираться в клетку. И ни одного нового слова не выучил за последний год. Зато стал вспоминать такие слова, которые выговаривал при царе.

А иногда говорил и совсем на непонятном языке.

Оля наконец решилась. Приковыляла к сундуку, сняла с него коврик, открыла замок и подняла тяжелую крышку.

И в самом деле, в сундуке лежали лишь какие-то тетради необычайной толщины да несколько мутно-желтых фотографий.

Оля взяла верхнюю и пошла с ней в комнату, где было светлее. На фотографии были сняты люди в морской одежде.

Оля хотела вернуться к сундуку и взять следующие, но в эту минуту зазвенел звонок.

В первый момент она подумала, что это мама с папой. Но у них были свои ключи, они бы не стали звонить.

Да, это было вовсе удивительно: у дверей стоял злейший враг № 1.

— Я тебе уроки принес, — сказал злейший враг.

Он изо всех сил вытирал ботинки о резиновый коврик у двери.

* Журнальный вариант. Продолжение. См. «Костер» № 10, 1979.

Никогда еще в Олиной жизни специально к ней мальчишки не приходили. И сейчас она растерялась.

Тут, услышав гостей, из комнаты густым басом проговорил Орлик:

— Здравия желаю, ваше благородие! Вольно!

Максим забыл про ботинки и с удивлением посмотрел на Олю.

— Это магнитофон у тебя?

— Попугай, Орлик, — сказала Оля.

— Можно посмотреть?

— Конечно, он в моей комнате живет.

Попугай отнесся к Максиму на удивление по-дружески. Не стал угрожать, махать клювом и кричать «держи вора!». Он взглянул на Максима и спросил папиным голосом:

— Как дела? Как успехи? Жизнь удалась?

Оля с трудом удержалась от хохота, глядя на растерянного Максима.

Наконец он отошел от попугая, вынул дневник из-за ремня и вдруг уставился на фотографию, которую Оля не успела спрятать.

— Можно ее посмотреть? — Максим был даже не удивлен. Он был поражен. Или испуган. Так показалось Оле. Он взял фотографию, долго смотрел на нее, а потом проговорил непонятное:

— Экспедиция капитана Палтусова.

— Какого капитана? — переспросила Оля.

— Капитана Палтусова. Вам ее из музея дали?

— Да нет, она у нас дома лежит.

— Дома? — Оле показалось, что Максим даже не поверил.

— В сундуке. Там еще есть другие фотографии.

Она переписывала из дневника Максима уроки и в который раз тихо возмущалась, глядя на его каракули.

А он продолжал разглядывать фотографию.

— Вот сам капитан Палтусов, в середине, с длинными усами. А это — его штурман, он так и не поплыл в тот рейс, потому что сломал ногу... Можно, я ее одному человеку покажу?

Оля наверняка не согласилась бы. Но тут в двери щелкнул замок. Теперь и в самом деле возвращались мама с папой. Оля успела лишь проговорить шепотом:

— Спрячь ее быстрее!

Вторая фотография

К счастью, в кармане завалялась двухкопеечная монета, а около дома Оли был телефон-автомат.

К счастью, Максим Петрович был у себя.

К счастью, из малопонятных восклицаний Максима он понял одно: случилось важное.

Три дня назад Максим Петрович с гордостью выложил точно такую желтоватую фотографию.

— Нашел все-таки! Пришлось тысяч двадцать снимков пересмотреть. Ведь говорил, что найду!

Теперь эта фотография красовалась на музейном стенде «Полярная экспедиция капитана Палтусова». А раньше там было только три снимка: самого капитана, бравого усатого моряка, его фельдшера, да шхуны «Святой Петр».

Полгода Максим Петрович искал следы фотографии.

— Понимаешь, у меня руки затряслись, когда я ее вытащил из конверта. Гляжу — точно, в середине сам капитан Палтусов, а рядом — штурман.

И всего через три дня Максим в обычной квартире на собственной улице, у своей ничем не примечательной одноклассницы, находит вторую такую же фотографию!

Было от чего разволноваться.

Максим подбежал к музейному служебному входу.

Максим Петрович, одетый в валенки, меховую безрукавку, уже ждал его.

Они прошли в боковой зал, где был стенд русских арктических экспедиций, и зажгли большой свет.

Максим Петрович взял фотографию, приложил ее к той, что была на стенде, и удивленно кашлянул.

— Та, да не та! Сам смотри: на моей капитан и штурман глядят прямо. А на твоей — слегка повернулись друг к другу, будто разговаривают. А матросик с краю — тот и вовсе отвернулся. Где ты ее разыскал?

Максим стал было объяснять ему, где.

— Найденова? — перебил смотритель и с полминуты вспоминал. — Такой фамилии в списке экспедиции нет. — Он взглянул на часы. — Завтра профессору Михаилу Ивановичу позвоню, обрადую. Ему твоя фотография, может быть, пригодится для новой книги.

Хорошее настроение

День стоял солнечный, радостный.

И Олино настроение тоже было солнечным.

Гипсовую повязку с нее уже сняли.

А сегодня весь день ей хотелось петь. Распевая про себя, она сходила в поликлинику. Потом побежала к маминому дворцу.

Сейчас бригада мамы отделявала графский дворец. Он стоял недалеко от дома, на Невском. Мама показывала этот дворец Оле и папе. Там были большие гулкие залы с красивой лепкой и росписями на потолках.

— К весне сделаем дворец новеньким! — говорила мама.

Мамины девочки любили петь во время работы. Это их мама научила. Ее на всех праздниках просят петь. Даже когда мама с бригадой выступала по телевизору, они сначала рассказывали о работе, а потом их попросили спеть.

Оля любила приходить к маме на работу. Она с удовольствием вдыхала запахи раствора, сырой штукатурки, масляной краски.

— Мама! Мама! — позвала она громко.

Мама показалась в окне. Она улыбнулась и помахала рукой. Даже в заляпаных брюках, ватнике и платке она все равно была красивой, как артистка кино.

— Девушка, спасибо за песню, — крикнул ей пожилой прохожий. — Еще споете что-нибудь?

Мама ему тоже улыбнулась и покачала головой.

— К тебе сейчас можно? — спросила Оля.

Мама сделала серьезное лицо и развела руками: «Нельзя, надо работать, материал привезли». Оля поняла.

— Меня выписали и я завтра в школу иду, — похвастала она.

Новая находка

У ворот в своем куце пальтишке и ушанке блином стоял злейший враг № 1 Максим Михеев.

Лицо его было таким озабоченным и серьезным, что Оля уже издали перестала улыбаться.

— Найденова, Оля, — заговорил Максим почему-то шепотом, — а я тебя жду.

Оля недовольно пожала плечами: «Жди, если тебе хочется».

— Скажи, пожалуйста, ты кого-нибудь знаешь на той фотографии? — продолжал Максим тем же шепотом, но необычайно вежливо.

— Откуда я могу знать? Конечно, нет.

Она шла к своей парадной, и Максим не отставал.

— Можно я к тебе сейчас в гости пойду?

Так хотелось ответить: «Мне некогда, нельзя». Или еще что-нибудь такое похожее. Но вежливость победила.

— Иди. Только у меня дома никого нет.

— И хорошо, что никого нет! — обрадовался Максим.

Он даже тугую дверь в парадной открыл перед Олей и пропустил ее первой на лестницу.

— Здравия желаю! Оля, привет! — прокричал Орлик, когда они вошли в прихожую. — А ты кто такой? Жизнь удалась? — спросил он у Максима.

И Максим снова растерялся. А потом тихо ответил:

— Здравствуйте.

Но попугай уже молча топал по жердочке.

— У вас другие есть фотографии кроме той? Можно посмотреть?

С одной стороны, Оле хотелось и самой снова посмотреть, что там хранится в сундуке. Но не со злейшим же врагом № 1 делиться тайнами. И она неопределенно ответила:

— Мама не разрешает их трогать.

И тут наступила решающая минута. Если бы Максим удержался и, горестно вздохнув, повернулся к выходу, продолжение этой истории было бы другим.

Но Максим не сдержался.

— У вас на фотографии — знаменитый капитан Палтусов, полярный исследователь. И в музее такая же, но чуть другая, мы уже проверили. Это важно для истории.

Лицо у Максима было сейчас никаким не вражеским. А самым обыкновенным и очень серьезным. Можно было подумать, что от этой мутной фотографии зависит вся его будущая жизнь.

Оля молча подошла к сундуку, сняла коврик и подняла крышку.

Максим нагнулся, осторожно взял одну фотографию, другую. На них была та же группа мо-

ряков, только по частям и крупнее. Дальше лежали три толстые тетради, перевязанные бечевкой.

Максим развязал узел, открыл верхнюю тетрадь, взял сразу следующую, тоже открыл, выпрямился и схватил Олю за руку.

— Оля! Мы нашли дневники капитана Палтусова!

— Какие дневники?

В первый момент ей пришли на ум лишь школьные дневники с отметками и подписями учителей.

— Экспедиция пропала без вести, а его дневники — здесь! У вас в сундуке. В вашем сундуке, у вас дома!

Максим ходил по прихожей, бил себя по голове, хохотал, подпрыгивал на одной ножке, снова ударял себя по голове.

— И они тут лежали, а я ходил мимо! Я каждый день ходил мимо вашего двора! А они тут лежали! Они всегда ведь лежали? — спросил он наконец у Оли.

— Всегда. Их нам бабушкин сосед принес в начале войны.

— Бабушкин сосед! Так это сам капитан Палтусов, наверно! Ну, дела! Капитан Палтусов, значит, был жив, а про него вот что писали: «Следы экспедиции капитана Палтусова трагически затерялись в безбрежных льдах полярного бассейна. Россия вступила в первую мировую войну, и у царского правительства не было ни средств, ни возможностей, а главное — желаний, чтобы направить спасательные суда на поиски отважных исследователей».

На уроках Максим иногда отвечал невпопад, и никто в классе не подумал бы, что он легко запоминает страницы из книг.

— Откуда же дневник? — удивилась Оля.

— Не знаю! — обрадовался вопросу Максим. — А вдруг и правда сам Палтусов вам его принес.

Максим сбегал домой и минут через двадцать вернулся с зачитанной, потрепанной книгой «Великий Северный Морской путь».

— Почитай, здесь про Палтусова написано, а я пока по вашему телефону в музей позвоню.

Он нашел нужное место и положил книгу перед Олей.

«Жизнь Палтусовых — замечательная страница в истории русского мореплавания», — прочитала Оля.

Два с половиной листа из потрепанной книги она прочитала быстро. Максим в это время стоял у телефона в прихожей и звонил в музей. Там сначала было занято, а потом он заговорил с кем-то возбужденно и радостно.

Теперь, когда Оля прочитала эти две с половиной страницы, она и сама разволновалась.

История капитанов Палтусовых

Сначала она читала про отца капитана.

Он был нищим крестьянским мальчиком. Родители его умерли во время эпидемии холеры.

Но была у него тайная мечта.

Пешком, ободранный и босой, за три года он дошел до моря, до Одессы, нанимаясь по дороге на любую грязную работу. В Одессе он пробрался в порт и уговорил капитана дряхлого торгового судна взять его юнгой. И здесь он не отказывался от любой неприятной работы — мыл камбуз, убирал кубрик. Но зато он лазал на мачты, стоял у компаса — учился всему, что умели старшие.

За работу он не просил никаких денег, лишь бы его учили морской науке.

Через несколько лет он сошел на берег и добился, чтобы в морском училище у него приняли экзамены на штурмана. Ему долго отказывали, наконец он убедил всех и сдал экзамены на «отлично».

Постепенно он стал известнейшим капитаном, и его судну доверяли возить самые важные грузы.

У него была уже семья, шестилетний сын. Однажды он взял сына с собой на судно, но это плавание стало несчастным. В тумане на них наскочил греческий торговый корабль. Оба судна получили страшные пробоины и быстро пошли ко дну. Палтусов-отец успел спустить спасательный бот для команды и посадить туда сына. Сам он погиб вместе с кораблем на глазах у семилетнего мальчика.

Внезапно семилетний Палтусов-сын вернулся к тому, с чего начал его отец. Мать его не перенесла потерю мужа и через месяц умерла. Дальние родственники матери определили сироту мальчиком-посыльным к купцу. Его унижали, морили голодом, били. Вскоре он от купца сбежал и стал скитаться по дворам, подбирая объедки. Потом заболел.

Обессиленный, он добрал до бывшего своего дома, где еще недавно жил в теплоте и уюте. Он решил здесь умереть. Мимо шли сытые, хорошо одетые люди и брезгливо обходили грязного маленького оборванца, сидящего возле красивого дома на тротуаре.

Тут и подобрал его матрос, который прежде плавал с Палтусовым-отцом. Денег у него было чуть-чуть, но он кликнул извозчика и отвез мальчика в свою хибару. Десять дней, пока не началось плавание, он выхаживал сына погибшего капитана.

За эти десять дней он сумел обойти семью других моряков, ушедших в плавание, собрал немного денег. Потом пробился к начальству и уговорил принять сироту в городское училище на казенный кошт.

Теперь Палтусов-сын был кое-как сыт, одет и начал учение.

А дальше он, как и отец, стал пробивать дорогу сам.

Зимой он учился, летом зарабатывал деньги. Юношей каждое лето нанимался в порту грузчиком.

Наконец он, как и отец, стал штурманом, а потом получил судно.

Следующие десять лет он завоевывал право на арктическую экспедицию. Знаменитый исследователь Норденшельд прошел на шхуне «Вега» весь Великий Северный Морской путь за два года.

Палтусов мечтал пройти за одну навигацию и открыть маршруты другим судам. Ежегодно он отправлялся в арктические экспедиции, изучал северные проливы, острова и устья рек. Не раз он проваливался под лед, дважды о его экспедициях писали в газетах, что все ее участники или погибли, или же пропали без вести в пустынном ледовом краю, что равносильно гибели. Но экспедиции со славой возвращались в Петербург, и на географических картах вместо широких белых пространств появлялись очертания изученных берегов, рек, проливов. Имя его уже знали полярные исследователи всех стран. И через десять лет крепкое судно «Святой Петр» стояло в Петербургской гавани, готовое отправиться по полярным морям под его началом.

В команде было шестнадцать здоровенных, отчаянных людей и молодой попугай Изабелла, которого незадолго до отплытия подарили капитану бывшие матросы его отца. На берегу оставались жена и четырехлетний сын.

Первые год-два Палтусова ждали спокойно. Ведь газеты уже не раз писали о его гибели, но он всегда возвращался со славой. Тем более, что на следующее лето отправились арктические экспедиции Седова, Русанова и Брусилова. Они могли помочь терпящему бедствие судно. Но все эти три экспедиции закончились трагически.

А потом Россия вступила в первую мировую войну, и у царского правительства не было ни средств, ни возможностей, а главное — желаний, чтобы направить спасательные суда на поиски отважных исследователей. Да и где их было искать среди безбрежных ледяных полей — никто указать не мог.

План Максима

...Хорошо, что Оля закрыла дверь на большой железный крюк. И пока папа с удивлением дергал дверь, Максим успел положить назад толстые тетради, захлопнуть крышку и накрыть ее ковриком.

— А я завтра в школу иду! — похвастала Оля, когда папа наконец вошел.

Конечно, это был одновременно и отвлекающий маневр.

— Да ну! — поддался на маневр папа. — Снова будешь ставить рекорды! И недавний гость здесь? — поздоровался он, увидев Максима. — Как дела? Как успехи? Жизнь удалась?

— Мы географию изучали, — проговорил за чем-то Максим.

А папа притворно удивился:

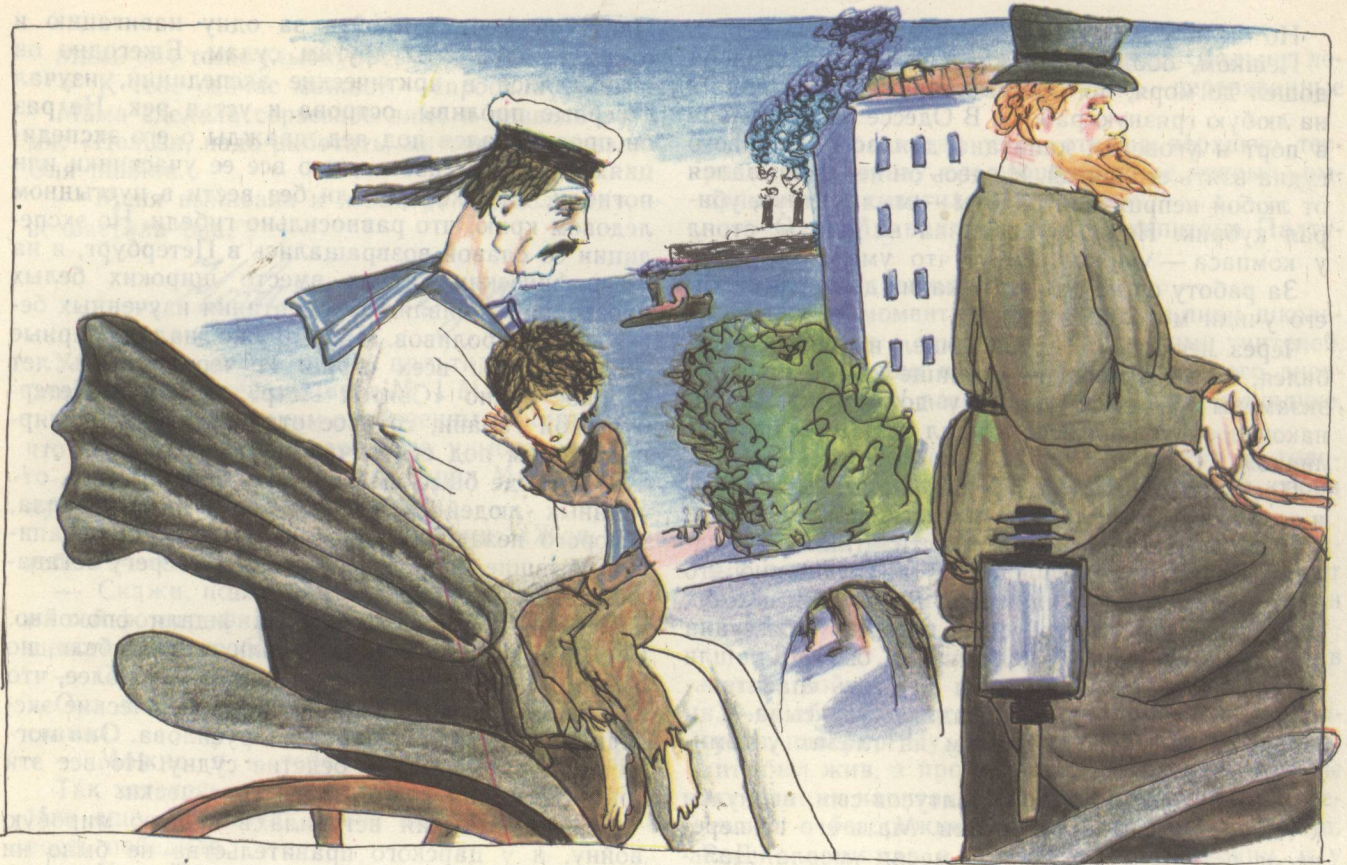
— Как же, слышал о такой науке!

Он ушел на кухню, поставил чай и позвал всех к столу.

— А у меня тоже новость, — сказал он. — Мы завтра нашу «бабушку» выводим.

— Уже поедете! — удивилась Оля.

— Попробуем. Бабушка — это гоночная машина, — объяснил папа Максиму. — Бегают, как зверь. Сами конструировали, сами собрали. Приходите посмотреть.

— Не могу, у меня завтра дела, — ответил солидно Максим.

Он попил чаю, сказал «спасибо», потоптался в прихожей около сундука, вздохнул и стал одеваться.

— Я тоже выйду, — сказала Оля папе и пошла с Максимом на улицу.

— Нам надо все те записи исследовать, — сказал Максим, остановившись посреди двора. — Это важно для науки.

— Понимаю, — ответила Оля.

— Ваш дом на ремонт не ставят?

— Мама говорит, пока нет.

— Это хорошо. Я придумал, что делать. Ведь дневники из сундука уносить нельзя?

— Нельзя! — Оля даже испугалась. Она решила, что Максим немедленно начнет выпрашивать эти дневники хотя бы на день-два. — Мама откроет и увидит.

— А мы и не будем брать. Мы все перепишем. Каждую тетрадь. И у нас будет копия. А дневники пусть спокойно лежат.

— Три тетради — это же целый год писать.

— А мы наше звено позовем. Мишка Фраерман может разобрать любой почерк. Он будет дешифровальщиком, как в разведке. Я тоже буду диктовать — с моими каракулями писать нельзя. А ты, Лида Кокушкина и Валя Полякова будете записывать. Олег Саркисян — он и читать, и писать может. Тетрадь на двоих, и за один месяц мы все перепишем. Здорово придумал?

Максим придумал действительно здорово. И Оля согласилась.

Сговор

Интересно приходиться в школу после болезни — все тебе радуются. Не то что в обычные дни, когда могут и не заметить.

В первую перемену Максим встал рядом с Мишкой Фраерманом. Тот играл в шахматы вместе с другим пятиклассником. Они все перемены играли в карманные шахматы.

Еще в третьем классе некоторым нравилось подскочить сбоку и поддать их шахматную доску так, чтобы все фигуры разлетелись по полу. Но с тех пор, как Мишка стал учиться приемам каратэ у своего соседа-милиционера, поддавальщики вывелись.

Еще Мишка умел разобрать любой почерк, в две минуты расшифровать любую запись, ребус. Это у него само собой получалось. И он многим помогал читать ребусы. О своих способностях он узнал, когда в пионерском лагере читал рассказ «Золотой жук» Эдгара По и разобрал записку знаменитого пирата раньше, чем герой рассказал о зашифрованном смысле.

Максим подождал конца партии и отозвал его. Мишка неохотно отошел от окна, но стал внимательно слушать. О чем-то они тихо поговорили, Мишка согласно кивнул и вернулся к шахматам.

А Оля все не могла подойти к Лиде Кокушкиной и Вале Поляковой, потому что не знала, с чего начать разговор. Не начинать же со слов: «Девочки, мы с Максимом сделали открытие и нужна ваша помощь». А если рассказывать о капитане Палтусове, то перемены не хватит.

В первый день

Наконец она решилась.

Лида Кокушкина была добрым человеком.

Если кому-нибудь несправедливо ставили двойку, Лида плакала вместе с ним.

Когда Оля отвела ее в сторону, Лида спросила:

— Хочешь пряничка?

Оля взяла пряник, чтобы не обидеть Лиду, надкусила и лишь потом проговорила:

— Приходи, пожалуйста, после уроков ко мне домой.

— Зачем? У вас праздник, да? — спросила Лида обрадованно. Она обожала ходить к подругам на дни рождения.

— Это тайна. Приходи ко мне и все узнаешь.

— Какая тайна, а? Скажи только мне, Оля, — стала просить Лида. — Я больше никому...

— Мы с Максимом Михеевым сделали одно открытие, и ты должна нам помочь...

— С Максимом? Разве вы с ним помирились? — удивилась Лида. — А Валя тоже придет?

Последнее время Лида дружила с Валей Поляковой и без нее никуда не ходила.

— Придет, я ее тоже зову.

...Олег Саркисян читал книги с пяти лет. А в шесть он уже стал писать романы. Первый его роман назывался: «ОЛЕК ЭТО КАРЛСУН КАТОРЫЙ ЖЕВЕТ НА КРЫШИ» и состоял из трех страниц.

Сейчас он увлекался историей древних народов и сочинял романы про них. Один назывался: «Принцесса в пещере первобытного племени». Другой: «Спартак возвращается». На каждый роман уходило по четыре-пять школьных тетрадок. Пока он сам был и единственным читателем своих романов.

Когда другой занятый человек Максим Михеев подошел к нему, он сначала не понял, чего Максим от него хочет. Даже решил было, что Максим предлагает ему писать совместный роман о тайне полярного плавания.

— Понимаешь, их считали погибшими, а мы нашли личные дневники капитана, они у Найденовой дома хранятся.

Личные дневники Олег уважал. Он и сам пытался вести дневник своей жизни, поэтому согласился помочь разобрать и переписать личный дневник капитана Палтусова.

С Валей Поляковой было трудней.

Во-первых, она была их звеньевой. А во-вторых, даже если б она и не была звеньевой, она все равно любила бы командовать.

— Валя, мы нашли у меня дома одну тайну. Приди сегодня, пожалуйста, к нам, — проговорила Оля и сама почувствовала, как нелепо у нее все сказилось.

— Кто это — мы?

— Я и Максим. — Теперь Оля даже покраснела.

— Михеев? — удивилась Валя. — Неужели ты с ним дружишь? — Валя спросила недоверчиво и слегка насмешливо.

— Не дружу, а так. Мы с ним случайно нашли одну тайну...

— Ладно, приду, — смилостивилась Валя, и Оле стало спокойнее.

Оля сказала о тайне Лиде и Вале. Лида и Валя сказали по секрету Вале, Марине и Зое. Валя, Марина и Зоя сказали Пете, Наташе, Боре, Нике, Андрею, Ире и председателю отряда Тане Мануйловой.

К последнему уроку весь класс знал о тайне, которую обнаружила у себя дома Оля Найденова с помощью Максима Михеева.

Тут уже выступила звеньевая Валя.

Она сказала, что их звено нашло дневники знаменитого капитана Палтусова и будет их переписывать. Если класс хочет помочь мировому открытию, то пусть все сдадут по пять копеек на толстые общие тетради.

...В первый день они только по странице успели переписать. Пока с Орликом разговаривали, пока читали про жизнь капитана в книге «Великий Северный Морской путь».

Наконец Оля достала три тетради — три части дневника, и все разбили по парам. Максим диктовал Оле в ее комнате. Олег Саркисян и Валя Полякова писали и диктовали друг другу по очереди в комнате родителей. Миша Фраерман диктовал Лиде на кухне и помогал всем разбирать непонятные слова. Оля поставила будильник на без пятнадцати пять. Пятнадцать минут, чтобы сложить дневники в сундук, а тетради спрятать в секретере. А потом могли появиться родители.

Будильник зазвонил, а они почти ничего не узнали о плавании.

— Давайте сначала прочитаем, а потом будем писать, — предложил Миша.

Следующий день была суббота.

— Я маму с папой постараюсь в кино отправить, — решила Оля.

...В субботу родители ушли в кино. На две серии.

Итак, можно было приступать к чтению.

Сначала читал сам Максим Михеев. Потом Валя. Она читала с особенным выражением, как артистка. Потом Миша. Потом Олег.

Читали подряд, страницу за страницей. Потом стали некоторые места пропускать, потому что хотели быстрее узнать, что происходило дальше с капитаном Палтусовым и его командой.

Некоторые записи из дневника капитана Палтусова

«20 июня 1911 года. Петербург.

Казалось бы, полная победа, а грустно. Десять лет я добивался этого плавания. Изучал и описывал северные берега, подавал рапорты начальству. Наконец, всю последнюю зиму следил за подготовкой судна и снаряжения.

И вот — наш красавец «Святой Петр» стоит у Николаевского моста. Ликующая публика на берегу, оркестры, жена моя родная с сыном на руках, мы отдаем швартовы.

И кто бы знал, как в этот момент хотелось мне сбежать с капитанского мостика, перепрыгнуть

пока еще узкую полосу быстро бегущей воды, затеряться среди толпы.

Острая тоска подкатила к сердцу. Но, чтобы отогнать такую же тоску от четырнадцати храбрых сердец моей команды, я спрашиваю сверху:

— Боцман, кого посылал якорную цепь драить?

Немудрена, конечно, шутка. Но подействовала. Все заулыбались.

20 июля 1911 года. Архангельская гавань.

Первая серьезная неприятность. Штурман Вячеслав Михайлович, золотой человек, сломал ногу.

Вот тебе и безупречные деловые качества!

Отстранил штурмана от исполнения обязанностей. Посмел ударить матроса Дягилева по лицу.

К чему была бы вся моя работа с подбором команды, когда я из сотен желающих выбрал лишь четырнадцать, если бы на «Святом Петре» воцарились законы мордобоя.

26 июля.

Встречный ветер. Идем под парами. Встретились с торговым судном «Брегет». Капитан сообщил, что пролив Югорский Шар накрепко заперт

За день до отплытия споткнуться о ящик и получить сложнейший двойной перелом кости. Как нелепо! Столько было у нас с ним совместных вечеров в мечтаниях, планах и спорах. А теперь придется ему остаться на берегу. Врачи уверяют, что в тяжелом климате может не срастись кость.

Взял штурманом Александра Ильича Сергеева, человека мне вовсе незнакомого до сегодняшнего дня. Прежде, до отставки, служил штурманом на канонерке. Охарактеризовали как безупречного знатока своего дела.

Завтра снова проводы, оркестры, и, наконец, пройдя устье Двины, направимся в Белое море.

Вячеслав Михайлович, так неудачно сломавший ногу, молодец. Спасибо ему — заготовил четыре бочки первосортной клюквы. Во всегдашней мелочной суете приходится радоваться каждому пустяку. Тем более, что клюква — не пустяк. В случае зимовки она уберет нас от цинги. Самое дешевое и лучшее средство.

24 июля 1911 года.

льдами. У входа в пролив скопилось несколько судов — ждут, пока льды разреятся.

Ссадил штурмана. До этого несколько раз пытался поговорить с ним. Удивительно, но он искренне убежден, что был прав, ударив матроса по лицу. Простой матрос, видите ли, сделал ему, офицеру, замечание, что надо вытирать ноги о тряпку, когда ступаешь на вымытый пол.

Из таких вот, казалось бы, мелочей и рождаются драмы.

Команда во время обеда изъявила желание помогать мне во всем. Часов двадцать я не слезал с бочки на мачте, высматривал дорогу между льдами.

Повар у нас преотличный. Готовит с душой, выдумкой. А хороший повар — это четверть успеха любой экспедиции. Другую четверть я кладу на себя, четверть — на команду. А уж последняя четверть — на обыкновенное везение, простое стечение обстоятельств.

30 июля 1911 года.

Вошли в пролив Югорский Шар. Видимо, в пос-

ледный раз отдали почту на суда, пережидающие у входа.

Крутимся между льдинами, лавируем, наползаем на более толстые, давим их и продвигаемся вперед. Судно ведет себя превосходно.

Только и команду: полный вперед, малый назад, лево руля, право руля, снова лево. Рулевое колесо в руках Ивана Пахомова мелькает, словно велосипедное, сам он весь вымок от пота. Отличный рулевой и смысленный человек, этот Иван Пахомов. К тому же, великолепный умелец, мо-

простоял в вороньем гнезде, так матросы зовут бочку на мачте.

Днем вплотную к судну подошел белый медведь. Шкура грязная, облезлая, сам тощий. Видимо, принял нас за большой айсберг. Запретил стрелять по нему, хотя охотники нашлись сразу. Дали три гудка. Так забавно он улепетывал!

1 октября 1911 года.

Еще пять-шесть дней такого ходу и увидим мыс Дежнева. Берингов пролив. Так далеко на восток за одну навигацию никому еще пройти

жет починить любую вещь — от паровой машины до карманных часов. В свободные минуты беседую поодиночке со всеми, а с ним — с особенным удовольствием.

21 августа 1911 года.

Хорошо ведет себя молодой попугай, подаренный мне Кольцовым, возвратившимся из южных морей. Мы назвали его Изабеллой, это единственная на нашем судне дама. Я боялся, что мы застудим ее, а то и просто от непривычки к северному климату она заболит. Но попугай ведет себя бодро. К прежним своим изречениям добавила несколько новых. По утрам потешно объявляет боцманским баском: «Койки катать, на молитву становиться!» Обожает, когда почесывают ей голову. Если не обращаешь на нее долго внимания, сама тербит клювом руку и наклоняет шею. Немало радости и смеха доставляю я команде, когда сижу во главе обеденного стола с попугаем на плече и руковожу корабельной трапезой.

В команде все здоровы, бодры.

30 августа 1911 года.

Густой туман, а впереди и вокруг ледовые поля и едва видны между ними проходы. Весь день

не удавалось. Даже Норденшельд зимовал гораздо западнее того места, где сейчас находимся мы.

4 октября 1911 года.

Сглазил! Встретил такой древний, мощный паковый лед, что и нашему «Святому Петру» не одолеть. Легли в дрейф, чтобы не жечь понапрасну уголь. И всего-то в трех днях пути от желаемой точки. Потихоньку ледяное поле тащит нас мимо тех мест, которые мы как раз вчера прошли.

Надеюсь лишь на ветры, морские течения да на чудо, которое взломает лед и освободит проход к Берингову проливу.

6 октября 1911 года.

Как будто бы вырвались!

Идем по битому льду, ломаем с треском и грохотом молодой лед и движемся, движемся к мысу Дежнева! Снова проходим мимо тех мест, которые проходили 2—3 октября.

10 октября 1911 года.

Большое ледяное поле, а дальше — чистая вода и пролив. Хорошо просматривается скалистый берег мыса. Даже не верится, что дошли.

С вороньего гнезда хорошо видно, как волны по ту сторону поля разбиваются о лед.

Но мы пока — по эту, и никакое чудо не перенесет нас через льды, кроме наших собственных усилий.

Рвем лед порохом — помогает мало.

Пилим, колем, рубим — вся команда на льду.

Неужели не пробьемся, когда осталось так мало до победы.

Кругом настоящая зима, снег. Но погода мягкая.

11 октября 1911 года.

Понимаю, что команда выбилась из сил, но осталось совсем немного.

Уже не только видим воду, а даже слышим плеск волн по ту сторону.

14 октября 1911 года.

Похоже на то, что пробилась.

15 октября 1911 года.

Внезапный ураганный ветер. Гони: и гонит новый лед из Берингова пролива. А нас вместе с ним несет на север. Бороться с ураганом нет сил ни у людей, ни у машины.

Вот оно — стечение обстоятельств.

17 октября 1911 года.

За двое суток отнесло так далеко, что нам и за неделю не вернуться. Природа поклялась нам свою удачу. Ветер стихает, но крепчает мороз. Кругом, куда ни глянь, сплошные ледяные поля.

Как обидно — быть у цели, видеть ее, уже ощущать радость победы и в последнее мгновение потерпеть поражение!

20 октября 1911 года.

Объявил команде о начале зимовки. Приказал носа не вешать, ибо мы все же сумели пройти так далеко, как никто до нас не хаживал. А с весной высвободимся из льда и — привет вам, теплые моря!

1 января 1912 года.

Новый год встретили прелестно. Были шуточные пожелания в стихах, песни, пляски, праздничный фейерверк.

Многие из команды даже не догадываются, какие богатые дарования они в себе таят. Сейчас, во время зимовки эти дарования разворачиваются.

Почти каждую неделю удается хорошо поохотиться на медведей. Повар готовит из медвежатины отличные бифштексы. Заодно и продукты экономим.

В каютах тепло и сухо — сказала моя (теперь уже прошлогодняя) работа по переоборудованию и утеплению судна. А ведь на всех судах, кроме нансеновского «Фрама», вдоль стен намерзал лед и беспрестанно капало с потолков.

Если бы не ужасный грохот и толчки во время сжатия льда, особенно по ночам, мы чувствовали бы себя как на прекрасном курорте.

Чтобы занять унылое однообразие дней, учу желающих основам штурманского дела. Желающими оказались все. Таким образом, с 11 до 2 часов дня судно напоминает класс мореходного училища.

Принял доклад от фельдшера. Все здоровы и цинги нет. Спасибо клюкве и физическим упражнениям — бегу, стрельбе, лыжам, которые проводим регулярно.

Попугай Изабелла весела и на удивление ра-

зумная дама. Забавляет нас своими речами и тем самым помогает поддерживать хорошее настроение.

14 февраля 1912 года.

Случилось несчастье.

Погиб наш географ Константин Иванович Карпов, так исправно делавший ежедневные наблюдения. Молодой человек, в расцвете жизни, и погиб так нелепо.

Вопреки моему приказу не удаляться без оружия от судна, отошел без ружья к разрыву между льдинами далее, чем за версту. Видимо, хотел измерить толщину льда или взять пробу воды.

Мы лишь к ужину спохватились. Искали с фонарями всей командой, пускали ракеты. А когда дошли до места трагедии — было поздно. На него напал белый медведь (судя по следам, довольно крупный). Еще раз категорически запретил удаляться от судна без оружия.

Иван Пахомов вызвался делать все наблюдения за Карпова. Прежде он часто ассистировал ему в работе.

10 апреля 1912 года.

Находимся в зоне полярного бассейна, которую никто до нас не посещал. И похоже, что нас подхватило течение, открытое Нансеном. Если так, то из ледяного плена нам вряд ли вырваться по эту сторону полюса.

Вместе с фельдшером и поваром сделали ревизию провианту.

Решил немного сократить пайки. Охота пока успешная и продуктов на два года хватит. Медведи продлят запас пищи еще на год. А уж через три-то года нас куда-нибудь всяко вынесет. Если мои подсчеты подтвердятся, то вынесет нас в район между Шпицбергенем и Гренландией к июлю — августу 1914 года.

Так что вместо одного полезного дела — прохода по северному пути — будем делать другое: исследование неизвестных полярных областей.

Выдержало бы судно. А мы — выдержим. И сослужим пользу мировой науке.

10 сентября 1912 года.

Случай хотя и пренеприятный, но комичный.

Услышал крик Изабеллы: «Держи вора! Держи вора!» Вошел в кают-компанию. К стене прижался и дрожит Малохаткин. В руке у него две плитки шоколада, на глазах — слезы.

Он самый молодой в команде и сладкоежка, оказывается. Пробрался в кладовую, пользуясь доверчивостью повара, и стянул шоколад. А Изабелла распознала и подняла крик. Как она отличает дурные замыслы, известно лишь ей одной. Но в удивительном чутье ее я убеждался уже не раз. И ведь она первая не признала того штурмана, которого мне пришлось через неделю ссадить.

Малохаткин плакал и умолял меня не отдавать его на суд команде. Он откуда-то взял, что я обязательно решу его судить. Раскаяние его было так глубоко и искренне, что я, едва сдерживая улыбку, строгим голосом объявил, что на первый раз прощаю и никому не скажу.

11 сентября 1912 года.

Удивительно тихая, мягкая погода.

Вдали, прямо по курсу видны облака странной формы. Такая облачность обычно указывает на землю.

12 сентября 1912 года.

Нас несет к земле — могу сказать это точно. Саму землю не видно. Вся она, словно шапкой, покрыта густыми тучами. Что это — результат испарения или вулканической деятельности?

25 сентября 1912 года.

Весь день свободные от работ люди наблюдали за землей. Но земли так и не видели, её скрывают тучи. Дует сильный ветер, но и он не в силах справиться с облачной шапкой.

Лишь однажды на мгновение в тучах появился разрыв, и мы увидели... (боюсь даже писать — настолько это невероятно), мы увидели скалистый берег, густо поросший зеленой растительностью, и странные постройки из камня, дерева и металла.

Не знаю, что и думать. Быть может, увиденное нами — лишь результат массовой галлюцинации? Весь день команда так пристально вглядывалась в облака, что могло и не такое померещиться. Или это мираж? Или причудливое строение из тумана?

Попросил каждого, ни с кем не советуясь, записать свои наблюдения.

Похоже, что виденное нами — реальность.

26 сентября 1912 года.

Всю ночь не мог заснуть, думал об увиденном.

Трудно предположить в этой зоне полярного бассейна остров с густой зеленой растительно-

стью, не говоря уже о странных постройках. До сих пор острова, которые мы открывали, были унылы и голы.

Неизвестная земля притягивает меня к себе с необыкновенной силой.

Назвал ее Островом Безветрия, хотя вчера как раз ветер и поднялся.

27 сентября 1912 года.

Не прощу себе, если пройдем мимо, не высядившись на остров. Пишу инструкции фельдшеру на случай оставления мною судна.

Завтра утром все решится. Возможно, возьму двух-трех добровольцев и отправимся на санях с легкой брезентовой лодкой-каюком к острову. День пути туда, день обратно. Ничего неожиданного, надеюсь, на судне не произойдет.

Зато, если виденное нами подтвердится, какой будет подарок науке!

28 сентября 1912 года.

Решено. Сейчас уйду к острову. Для похода все подготовил. Старшим на судне оставляю фельдшера. Его помощником — Ивана Пахомова.

Что-то ждет нас сегодня вечером?»

Что дальше?

Дневник обрывался и продолжения не было. В тот вечер, в воскресенье, когда третью тетрадь дочитали до последней строки, они чуть не поссорились.

Они кричали и громко доказывали друг другу. Валя Полякова уверяла, что таких островов не существует — надо посмотреть по телевизору передачу «Очевидное — невероятное», и будешь знать точно.

Миша Фраерман, загадочно улыбаясь, говорил: — А вдруг?

Оля кричала:

— Что же это им всем почудилось, да? Почудилось?

Максим молчал, молчал, а потом произнес:

— Если дневник попал в Ленинград, значит, должно быть его продолжение: о том, что было с капитаном дальше, после острова.

Миша Фраерман тут же отправился к сундуку и стал его изучать. Но потайных стен и дна он там не нашел.

— История, загадочная во всех отношениях, — сказал он.

Единица хранения 16

В понедельник Максим повел Олю в Музей Арктики и Антарктики.

Еще несколько дней назад Оле было бы странно идти вот так с мальчишкой. А сейчас она шла рядом с Максимом и спокойно разговаривала. И никто на них особенно не смотрел.

Оля никогда в Музее Арктики и Антарктики не была. И со служебного входа тоже никуда не входила. Она боялась сейчас: вдруг откроет дверь

злая тетка, станет кричать и ругаться. Но Максим стоял на крыльце спокойно.

Наконец проскрежетал замок и дверь открылась.

Высокий старик в валенках, в телогрейке весело смотрел на них.

— Понимаю, — сказал он, — это и есть уважаемая владелица дневника Палтусова.

«Я не владелица. Просто они у нас в сундуке лежали», — хотела поправить Оля, но промолчала.

Максим пошел первым, Оля за ним, а следом, шаркая валенками, двигался старик.

— У меня для вас тоже есть кой-какая находка. Профессор Михаил Иванович подсказал, я порылся и нашел, — говорил старик.

Они вошли в небольшую его комнату, и Оля тут же увидела на столе свои дневники. Те самые тетради, которые вчера они разбирали вместе, из-за которых спорили и которые она сама убирала в сундук.

«Неужели папа догадался и сам отнес в музей?» — подумала Оля.

— Весь день сегодня искал в архивах. С войны лежали, и никто к ним не прикасался.

— Это же наши тетради, — испуганно сказал Максим и даже посмотрел в лицо старику, чтобы убедиться, не шутит ли тот.

Но смотритель не расслышал его слов и продолжал:

— Их, говорят, принес какой-то военный в начале войны. Я в эти дни всех старых сотрудников расспросил. И тех, кто работает, и кто на пенсии.

Загадочный случай, еле распутал. Тот военный уходил на фронт и оставил тетради Нине Дмитриевне, работнице музея. Нина Дмитриевна не успела зарегистрировать тетради и тут же уехала рыть укрепления. Там почти всю ее группу расстрелял из самолета фашистский стервятник. Коротче, кто принес, откуда, что это за тетради, осталось неизвестным. Через неделю фашисты приблизились к городу, все сотрудники разошлись, кто на фронт, кто в тыл. Тетради, не разбирая, убрали в архив, написали на них лишь номер. Видите: «Фонд 72, опись 2, единица хранения 16». — Максим Петрович перевернул тетради и показал наклеенный ярлык с номерами.

Теперь и Оля и Максим поняли, что это — другие тетради.

— Так с тех пор их никто и не трогал. Лишь профессор Михаил Иванович знал, что где-то в архиве Палтусова лежат непонятные записи. А сегодня я их нашел, гляжу — да это же самого капитана Палтусова дневники!

Максим Петрович открыл тетради, и Оля увидела на первой странице, на том же месте, что и у них, тем же почерком сделанную знакомую запись: «Казалось бы, полная победа, а грустно. Десять лет я добивался этого плавания...»

— У нас то же самое! — проговорила Оля и растерянно посмотрела на Максима.

Максим выглядел потерянным, как будто заплакать собирался.

Только теперь Максим Петрович обратил внимание на их слова.

— Как же это может быть — то же самое? — спросил он недоверчиво.

— Точно такие тетради, — повторила Оля. — Эта тетрадь кончается записью про попугая: «Если бы не она, не знаю, каким было бы настроение в нашей кают-компании. Стоит нам собраться на обед, как она откальвает очередной свой номер. Или объявляет: «Кушать подано, господа», или сзывает: «За стол, ребята, быстро за стол!»

Старик перевернул тетрадь, открыл последнюю запись. И точно — там была эта самая запись.

— Получается, что дневников — два? — проговорил Максим.

— И еще одна интересная деталь, — ответил Максим Петрович и показал внутреннюю сторону обложки тетради. На ней в самом низу мелкими буквами было напечатано: «Государственная фабрика писчебумажных принадлежностей. 1941 год». — Как вам нравится это открытие?

И Максим и Оля молчали.

— Получается, что капитан Палтусов тихомирно вернулся из опасного плавания, незаметно жил в городе. А в сорок первом году купил тетради и написал дневник своего плавания. Даже два дневника, если у вас такой же.

— Два одинаковых дневника вообще никто вести не станет, — вставил Максим.

— Да и на капитана Палтусова все это не похоже.

— Может, кто-нибудь пошутил? — Оле стало так обидно, что кто-то в сорок первом году решил посмеяться над ними, будущими людьми, и вот сейчас они попались!

— И об этом я подумал, — сказал Максим Петрович. — Но вы сами видели — там все всерьез. Надо самому пройти плавание, чтоб так думать и чувствовать. Остается одно...

— Есть настоящий дневник. И, может быть, с продолжением, а это — просто копии! — почти прокричал Максим. — Кто-то успел переписать только эти тетради, а потом ушел на фронт и сдал их в музей. Другую копию оставил у соседей. Точно? — спросил он у Оли.

Оля согласно кивнула.

— Так в науке всегда, — проговорил Максим Петрович, — неясного после открытия становится еще больше, чем прежде.

Адрес известен

— Что мы теперь в классе скажем? — спрашивала Оля, когда они с Максимом шли назад на свою улицу Рубинштейна. — Знать бы, как звали того человека, который их принес...

— Тогда и искать бы не потребовалось. Спросил в справочном — и шагай к нему в гости... — И тут Максим неожиданно остановился. — Точно! — сказал он и засмеялся так, что Оля смотрела на него с удивлением. — Точно! Мы же так и сделаем. Фамилии членов команды нам известны? Известны. А вдруг кто-то из них переписал дневники. Вернулся домой и переписал. Мы возьмем в справочном пятнадцать бланков и заполним их.

На следующий день Максим составил список команды, и все отправились к справочному киоску покупать бланки.

— Зачем вам так много? — спросила женщина в будочке, отсчитывая пятнадцать штук.

— Ищем адреса ветеранов, — объяснила Валя. Она была находчивей всех.

Вернулись к Оле и сели заполнять бланки. Писали лишь фамилии, имена и, у кого знали, — отчества. Вместо года рождения писали — прошлый век. Место рождения у всех было неизвестно.

В киоске их попросили подождать полчаса.

Они походили по Невскому и вернулись назад.

— Только один проживает, — сказала женщина, — остальные, наверное, уже умерли, если в прошлом веке родились. А один жив. — И она протянула им же листок. Теперь там рукой женщины было вписано «Петрович», то есть, был раньше Пахомов Иван, а теперь приобрел отчество. Вместо прошлого века было написано 1890 год. А внизу — адрес: Тарховка, Зеленая улица, дом 10.

— За городом живет, потому и сберек себя, — сказала женщина.

Им не верилось в это чудо. Неужели это был тот самый Иван Пахомов, о котором писал капитан Палтусов, что он «вызвался делать все наблюдения за Карпова»? Тот самый, который остался помощником при фельдшере, когда капитан ушел к Острову Безветрия?

Все отошли от киоска к стене дома, собрались в кучу, глядели на бумажный листок, зажатый в руке Максима, и молчали.

Окончание следует

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
РИСУНКИ,
СТИХИ

БАБА

Пионеры всей страны делятся с Лениной верны!

Моя Родина - СССР

СЛОВО УЧАСТНИКАМ УСЕСОЮЗНОГО ПИОНЕРСКОГО РЕЙСА ПО ЛЕНИНСКИМ МЕСТАМ

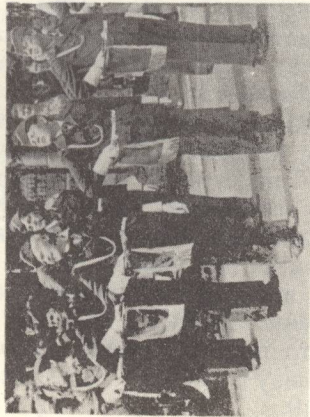
От городского пионерского штаба у меня было задание на время поездки — побольше узнать у ребят из других городов об их пионерских делах. Особенно нас интересует опыт работы на маршруте «Моя Родина — СССР!»

У нас в совете дружине большинство — мальчишки. Вожатая, Люба Ануфриева, считает, что им на роду написано быть командирами...

В дружине отличная знаменная группа и сигнальный взвод — горнисты и барабанщики, хорошая школа актива, ее ведут члены комитета комсомола. Отдельно занимаются с председателями советов отрядов, отдельно — со звеньевыми.

Есть у нас такой ритуал — «Рождение отряда». Каждый год третий класс становится пионерским. Мы вручаем ребятам отрядный флаг, помогаем выбрать актив. В этом году, когда ребята принимали в пионеры, линейку подготовил совет дружины. Самостоятельно. Вожатая вполне доверяет нам.

Не так уж легко стать членом совет дружины. Мне, например, целый год пришлось «доказывать», что я го-

жусь для работы в совете. Выполнял и трудную работу: убирал снег возле школы, строил снежный городок для октябрята, работал в совхозе, был связным.

Дима Соловьев,
заместитель председателя
совета дружины,
школа № 87,
Свердловск

После поездки по Ленинским местам Поволжья полным ходом пошла у нас поисковая работа. Мы завели альбом, куда вклеиваем фотографии и пишем о судьбе найденного нами человека. Собираемся устроить встречу со старыми штабистами, пусть расскажут о своей пионерской жизни.

Я часто вспоминаю вечер накануне моего вступления в штаб. Собрались ребята, сели в кружок. Каждый должен был откровенно сказать, что думает обо мне. Мне запомнилось, ребята сказали так: «Тебе нужно быть активнее. У нас есть такой закон: «Пришел — не молчи, говори, что думаешь». Не согласен — спорь. Споришь — предлагай». Нравится тебе такой закон?»

По-моему, это хороший закон.

Лена Дубова,
член знаменной группы
городского пионерского штаба,
школа № 116, Свердловск

ЮАМу - пионерские поезда!

На общедружинной линейке мы узнали, что наше звено собралось лома больше всех. Мы получили выпел «Победитель операции «БАМУ — пионерские поезда!» Нас все поздравляли!

Марк Подгорный,
7-й класс,
школа № 54, Алма-Ата

У нас ребята — дружные: если уж мы взяли за какое-то дело, то принимаем участие всем отрядом.

Объявлен в дружине сбор металлолома — создаем «совет дела». Туда входят самые находчивые ребята — Кеша Мозгов, Гена Жеребятьев, Гуля Зейналова. Совет рассылает разведчиков на поиски металлолома. Дал им срок — пять дней.

Совет начертил карту зоны действия, разметил территорию, на которой будем искать бесхозный лом.

...Разведчик Сережа Тараненко скажет, что на стройке в квадрате 45 можно собрать килограммов триста, а то и больше. Марат Баскаков поговорил с дядей Лешей, обходчиком на железной дороге (он живет с ним в одном доме), и тот разрешил вместе с ним пройти вдоль путей в тупик и собрать отработанные тормозные колодки. Они маленькие, но очень тяжелые. Совет отправил на сбор два звена.

Вообще сбор металлолома шел с большим подъемом. Кто-то догадался предложить съездить на окраину города. Там еще много маленьких домиков, и хозяева прямо во двор выбрасывают ненужные вещи. На улице Солонцовой собрали десять тачек. Воды, тачки, плиты! Целое богатство!

Собираем металлолом!
Фото Игоря Карпова.
Свердловск

ЮНЫ И Кировец

С пионерским бодрым маршем
Мы идем на смену старшим!
Подростем — заменим вас,
Славный наш рабочий класс!
Мы трудиться не устанем,
Тоже кировцами станем.
Будем мы всегда верны
Делу партии, страны!

*Из рапорта
пионерской дружины
школы № 479
своим шефам — рабочим
производственного объединения
«Кировский завод»*

Раньше Кировский завод назывался Путиловским. Здесь несколько раз бывал Владимир Ильич Ленин. В заводском музее можно видеть фрагмент картины — выступление Владимира Ильича перед путиловцами. Любимый вождь рабочих говорил о мире, о хлебе, о борьбе за победу социалистической революции. Это было в мае 1917 года. И Ленин еще раз посетил завод. Он хотел проверить, как выполняется путиловцами первый заказ революции — изготовление пушек и бронеплощадок для отпора войскам Краснова — Керенского. В память об этом на здании главной заводской проходной установлен мемориальная доска.

Алла Виноградова,
5-й класс,
школа № 479

Есть в заводском музее документы, рассказывающие о борьбе рабочих Путиловского завода за свержение самодержавия.

Немало экспонатов и времен Великой Отечественной войны.

В 1941 году, когда мужчины-рабочие ушли на фронт, женщины-работницы заявили: «Станки проставать не будут!» Завод не стоял ни одной минуты. Танки уходили на фронт прямо с конвейера.

Продукция Кировского завода сегодня нужна всей стране. Трактор К-701 работает на целинных просторах нашей страны.

**Саша Лукьянов,
Игорь Желудевич,
Рита Казакова,
Рита Солтис,**
школа № 479

О наших взрослых.

Мой дедушка Василий Никитич Бакулин проработал на Кировском заводе почти сорок лет. Сначала слесарем, потом старшим мастером в цехе.

Во время Великой Отечественной войны дедушка работал всю блокаду. И за рабочего, и за бойца. Винтовку и противогаз всегда носил с собой, потому что фашисты стояли под Ленинградом.

Сейчас дедушка — ветеран труда, но все равно часто бывает на заводе.

Сергея Бакулин,
3-й класс,
школа № 396

Каждый считает, что его мама — самая добрая. «Мама» — самое хорошее слово. Если мама и поругает, то за дело. А потом подойдет и приласкает.

Оля Архипова,
4-й класс,
школа № 479

У моей мамы родители погибли во время Великой Отечественной войны. Она рано пошла работать. Работала на заводе «Светлана». Сейчас работает в лаборатории прокатного цеха производственного объединения «Кировский завод» и часто рассказывает мне о своей работе.

Мы с мамой часто шьем вместе, готовим обед. С мамой мне никогда не страшно. С ней можно пойти хоть на край света. Мою маму я люблю за все!

Ира Парфенова,
4-й класс,
школа № 479

Еще в шестом классе меня заинтересовала работа нашего школьного КИДа. Тогда у нас была создана комната городов-побратимов.

Мне очень нравится работа в нашем КИДе. Я ее считаю полезной и интересной. Мы живем делами всей планеты.

У нас есть «Почтамт дружбы». Он занимается перепиской с городами нашей страны и социалистических стран. Есть секция переводчиков. С помощью КИДа наши пионеры и комсомольцы нашли и находят друзей на всей Земле!

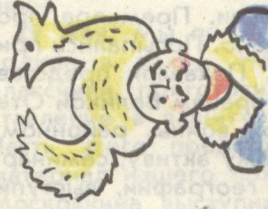
Игорь Грошиков,
президент КИДа
школы № 501

Визитная Карточка Учителем на уроке

Учитель зоологии:
— Чем дышит морской краб?
Ученик:
— У него есть газовый баллон.

Александр Жабич,
Новосибирск

Из школьного сочинения:
«Швабрин был роскошно одет, на нем была шапка из собачьей шкуры».

Света Кирюхина,
город Лисаковск,
Казахская ССР

Учитель:
— Что такое земная кора?
Ученица:
— Это вроде как у дерева, только сверху присыпано землей.

Тая Ищук,
поселок Орье,
Красноярский край

ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

На сцене агитбригада пятого «а». В представлении, которое показывают ребята, ничего не придумано. Материал для сценария собрали школьные туристы, а сочинить его помогла Любовь Николаевна, учительница литературы. Сценарий всем понравился. Но когда приступили к репетициям, поняли — «не читается» со сцены. Тут и началась настоящая творческая работа: заново рождались диалоги и реплики, появились мимические сцены, танцы, песни. Премьера прошла успешно. Посыпались приглашения. Показали представление ветеранам Великой Отечественной войны, районному пионерскому активу, семинару учителей географии, выступили в клубе «Ровесник».

И все равно перед каждым представлением ребята волнуются. Волнение проходит только тогда, когда ребята видят лица зрителей, доброжелательные и заинтересованные, когда Света Кайгородова, сжав кулачки, испуганно кричит со сцены:

— Звери и птицы! Спасайтесь! Опять туристы идут! Кошмар-р!!!

Света — сорока. На ней черное трико с белой грудкой и шапочка с клювом.

— Не бойся, белобока, — утешает ее Юля Рыбакова. — Идут ребята из шестидесятой свердловской школы. В этой школе уже двенадцать лет существует туристский клуб. Он занят интересной работой — охраной природы родного края. Эти пионеры — наши друзья.

— Отряд, стройся! — командует Игорь Идов. — Наш маршрут к скалам Чертова Городища!

Чертово Городище

В школьном туристском клубе ребята всех возрастов. У тех, кто помладше, походы легче, у старших — походы длительные, задачи сложнее.

Однажды Татьяна Юрьевна

Серых, учитель географии и руководитель клуба, собрала пятиклассников.

— Идем в поход на Чертово Городище, — объявила она. — Общество охраны природы поручило нам заняться «автографами» на скалах.

Чертово Городище — это гряда гранитных башен на вершине горы. Каждая башня — стопка плит. Одни сверху грибообразные, другие к вершине сужаются. И вправду, будто эти камни черт нагородил. Вот такое причудливое и удивительное творение создала природа. Его нужно беречь, сохранять. Но как? Сторожа к скалам не приставишь. А добраться сюда довольно просто, вот и стекаются сотни туристов, восхищаются, щелкают фотоаппаратами... А рядом остаются следы от костров, остатки походных обедов и «автографы», выдолбленные, выбитые в камне, написанные масляной краской.

Многие ребята уже бывали на Чертовом Городище, но сегодня они пришли сюда не любоваться чудом природы, не ахать и охать, рассматривая изуродованные надписями скалы, — пришли работать.

— Доставайте тетрадки и

ручки. Разобьемся на группы и будем списывать «автографы», — объясняет Татьяна Юрьевна.

— А что с ними потом делать? — интересуется Света Кайгородова.

— Обработаем, подсчитаем, составим графики «посещаемости» по годам и месяцам. Я знаю, что первые надписи были сделаны в 1910 году. Мы их увидим.

— Ничего себе! — удивился Игорь. — А я думал, люди совсем недавно придумали расписываться на домах, горах и деревьях.

Долго и кропотливо, как муравьи, ползали ребята, заглядывая в каждую каменную складку. Заполнялись тетради: даты, имена, фамилии, номера школ, названия заводов и институтов. Много людей побывало здесь и оставило о себе память — недобрую.

— Посмотрите, — возмущался Игорь. — «Сдесь были Виталик + Лена = любовь!» Выпал бы я этому безграмотному Виталику!

Наверно, Виталику, да и многим другим пришлось бы туго, появившись они сейчас перед ребятами.

— Мне все время попада-

ются студенты художественного училища, — сказала Света.

— Татьяна Юрьевна, — спросил Игорь, — как вы думаете, эти люди зачем приезжали? На красоту посмотреть? Зачем же портили ее?

— Свежие новости! — кричит сорока. — Экспедиционный отряд школы награжден грамотой и получил первое место среди областных команд за изучение реки Исети!

— На нашем пути, — рассказывает командир, — встретились только два чистых притока Исети.

— За последние десять лет в реке исчезла рыба! — рапортует Эмиль Туктаров.

— Улетают белые чайки! — говорит Таня Иванова.

— Пропадают редкие теперь птицы: филин, беркут, ястреб. Цветы: кувшинка, венерин башмачок. Могут исчезнуть черемуха и подснежник! — предупреждает Эмиль.

— В Свердловской области три памятника природы разрушены полностью, восемнадцать — в плохом состоянии, в том числе Бажовские места! — сообщает Юля.

— «Граждане СССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства», — гласит статья нашей Конституции! — хором говорят ребята.

По Исети

В далекие времена, больше чем 250 лет назад, на берегу реки Исети был заложен металлodelательный завод, а с ним и город. Теперь это город Свердловск. Как ленинградцы любят Неву, киевляне — Днепр, горьковчане — Волгу, так и свердловчане любят Исеть.

В поход по реке шли школьные геологи, метеорологи, гидрологи и историки. Гидрологи — определять расход воды в реке, геологи — описывать скалы и собирать образцы пород, историки — разузнать прошлое деревень, что встретятся на пути. Но главное задание они получили от Общества охраны природы — выяснить степень загрязнения Исети. Вот походный дневник Саши Кузьмина:

«26 мая. Уже второй день на маршруте. Подходим к заводу. Он стоит на Исети, использует много воды и, по нашим наблюдениям, загрязняет ее. Нас пригласили на экскурсию в заводские лаборатории, видели мы и работу очистного сооружения...»

27 мая. Река виляет и крутится, как змейка. Пейзажи прекрасные! Берег порос ивой, склонившейся над водой. В ней — отражения деревьев, облаков, солнца.

Наша цель — шпагатная фабрика. Она берет воду для промывки сырья. Берет чистую воду, а возвращает грязную.

28 мая. После длительного перехода — валяльная фабрика. Говорили с инженером этой фабрики. В поселке к нам подошли жители. Стали спрашивать, кто мы, зачем мы здесь. Когда мы рассказали, они пожаловались: «У реки живем, а рыбки не половить, ухи не сварить...»

Поразило, что взрослые отнеслись к нам серьезно и мы для них не просто пионеры, мальчишки и девчонки, а люди, которых беспокоит судьба реки.

29 мая. Мы помним, зачем ходили в поход. Наши пятиклассники приготовили представление в защиту природы. Часть этого представления — материал нашего похода. Оля Московкина выступила с рассказом о походе на телевидении в передаче «Клуб друзей природы».

Ребята с рюкзаками идут по родному Уралу, а летом отправляются в дальние походы — на Байкал и Алтай, в Башкирию и Фанские горы. Этим летом они вернулись из Хибин с полными рюкзаками камней. Собрали образцы минералов для школы.

— Вы одна не боитесь с нами в горах? — часто спрашивают Татьяну Юрьевну.

— Я в городах боюсь, — серьезно отвечает она. — Вдруг потеряются, заболеют. А в горах не страшно. Там они хорошие, собранные...

— А как вы ходите в местах, где ни разу не бывали? Как шли в Хибинах, без проводника?

— Как шли? — искренне удивляется Татьяна Юрьевна. — По карте, по компасу. У меня все ребята отличные ориентировщики, постоянно в соревнованиях участвуют.

В прошлом году, зимой, туристы шестьдесят шестой школы поднялись на вершину горы Шунут, откуда открывается величественная панорама Уральских гор. Куда нынче идете, ребята?

Е. МАТВЕЕВА

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Потерянный день

Аурел ЧОКАНУ

Спозаранку, целый день,
Я ищу вчерашний день.

Вдоль крыльца брожу я тенью,
Просто кругом голова...
Вы не видели, поленья?
Вы не слышали, дрова?

А топор кряхтит в ответ:
«Ты вчера здесь не был, нет!..»

Сквозь забор гляжу в надежде,
Что в саду его найду,
Но сегодня, как и прежде,
Все не вскопано в саду.

И лопата — мне вослед:
«Ты вчера здесь не был, нет!..»

Может быть, в своей тетради
Я его нарисовал?
Но в тетради я, к досаде,
Тоже попусту искал.

Безвозвратно день потерян...
Ты уверен?
Да, уверен...

Перевод с молдавского

Маленькая хозяйка

Ионас ШИОЖИНИ

Хорошо
Пораньше встать!
Я сама
Стелю кровать.
Ни соринки
На полу,
Если я
Взяла метлу.
Я могу
И суп сварить...
Но зачем
Себя хвалить?
Пусть меня
Похвалит тот,
Кто хоть ложку
В рот
Возьмет!

Перевод
с литовского

Весенний дождь

Хазрет ПАНЕШ

С крыш на землю
Капли скачут —
В три ручья
Сосульки плачут:

«Мы без пользы
Вырастаем,
Так без пользы
И растаем!..»

Солнце днем сосульки косит
Золотыми косами,
Песни каплями разносит
Тысячеголосыми,
Гонит прочь мороз трескучий
Над снегами стылými,
Как стога, пронзая тучи
Золотыми вилами!

И глядишь —
Уже лопочет
И бормочет,
И воркочет,
И стрекочет,
И хохочет,
И рокочет,
И грохочет

Дождь, дождь —
След в след,
А сосулек
Нет как нет!

Перевод с адыгейского

Песня огня

Леонид ЛАПЦУЙ

Отправился в кочевье зари цветной аргиш.*
Я поднят спозаранок: «Пора! Вставай, малыш!»

С порога начинаясь, тропа меня зовет,
А сопки, словно птицы, пускаются в полет.

Но я, как олененок, ни шагу от отца:
В сугробах горностаем кружу я без конца.

Ерник** я собираю, чтоб около меня
Всегда звенела песня счастливого огня.

Вот собрана охапка — а труд такой не скор!
На целый вечер хватит длиной в один костер, —

Чтоб пел, а не шипел он, придирчивый ворчун,
Несу я осторожно охапку прямо в чум.

Ведь если я хоть ветку сломаю на ходу,
То могут струны песни порваться на беду,

Замрут на полуслове — и, значит, в этот миг
И мы подпеть не сможем, и замолчит ерник...

Мы — дети нашей тундры, и с песнею огня
Мы ждем начала утра и наступленья дня!

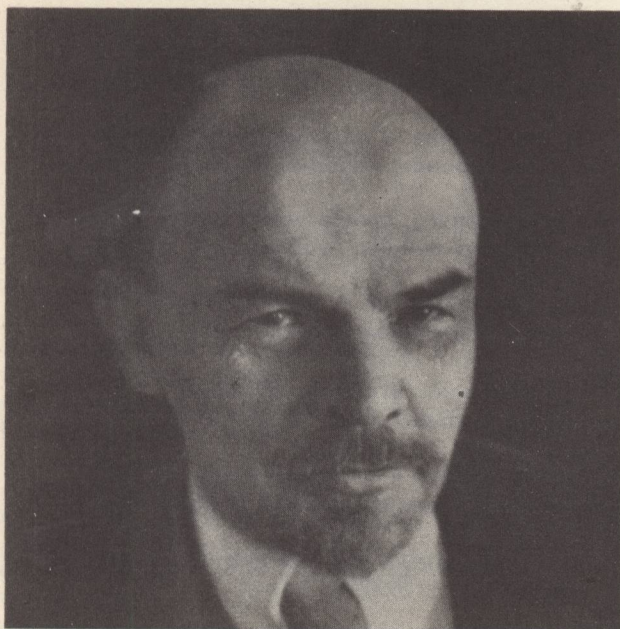
Перевод с ненецкого

* Обоз нарт

** Хворост

Переводы Михаила ЯСНОВА
Рисунки А. Ивашенцевой

**Поиск
юнкоров
и следопытов
„Костра“,
посвященный
110-й
годовщине
со дня
рождения
Владимира
Ильича
Ленина**

СЕРДЦЕМ И ИМЕНЕМ

Из рассказа Василия Васильевича Васильева, участника революции и одного из старейших рабочих Ленинграда

«Позиции при штурме Зимнего мы заняли со стороны Александровского сада. Помню, час, второй проходит, а команды «В атаку!» все нет. Ждем. Темень кругом. Впереди — огоньки выстрелов. Это юнкера в нас пуляют, для остротки. Чувствую, холодновато вроде — ветер от Невы, да и дождь накрапывает.

А сейчас отвечу на вопрос: кто был в нашем отряде? О командире я уже говорил. А теперь, значит, так. О Васе Алексееве слышали? Так вот, он тоже штурмовал Зимний. Какой из себя Алексеев? Помнится, веселый такой, энергичный, а из карманов у него всегда газеты торчат. Он в нашем отряде пулеметчиками командовал. Пулеметов было четыре. И я, как старший одного из пулеметных расчетов, находился у него в подчинении. Был в отряде и Иван Иванович Газа. О нем вы тоже, конечно, знаете. Знаменитый герой гражданской войны, а до революции — тоже наш путиловский рабочий. Кого еще помню? Ваню Тютикова, Колю Андрианова, Ваню Скоринко. Скоринко потом стал в Красной Армии командиром дивизии, а до революции мы с ним в одном цехе работали, он — на револьверном станке, я — на токарном. А еще помню Сергея Матвеева. Это родной дядя первого космонавта Земли Юрия Гагарина. А Мария Матвеева — Гагарину она тетей приходится — была в нашем отряде санитаркой. Представляете, какие люди готовились к штурму старого мира! Все, как один, за дело Ленина жизни своей не жалели. Ведь Владимир Ильич много раз выступал у нас на заводе, и правду большевиков мы лично от него слышали.

Ну, а потом, когда начался штурм, мы все к Зимнему дворцу бросились. Юнкера огонь открыли, сопротивляются. А что толку? Разве остановишь такую силу?

И вот что еще помню. Когда вбежал в подъезд дворцовый, у меня в нагана ни одного патрона

не осталось. Думаю, как же так — бой-то еще не кончен. Да только зря волновался. Временных защищать было уже некому. Сдались министры-капиталисты...»

**Рассказ В. В. Васильева
записала**

Таня Олейникова,

следопыт 5-6 класса

105-й ленинградской школы

Леонтий Назарьевич Рипа — один из первых коммунистов нашего города. Когда мы стали собирать о нем материалы, узнали много интересных подробностей. В партию он вступил в 1918 году. Был участником революции и первым председателем уездного ревкома. А еще мы узнали, что Леонтий Назарьевич был секретарем мандатной комиссии VIII Всеукраинского съезда рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и выписывал делегатский мандат на имя Владимира Ильича Ленина.

Посылаем фотокопию ленинского мандата, где стоит подпись нашего земляка.

**Игорь Москаленко,
Витя Мишун,**

ученики 7-го класса

Кобелякской средней

школы-интерната

Полтавской области

Много лет назад, во время гражданской войны, воевал в наших степных краях один моряк. Он командовал партизанским отрядом. Старожилы вспоминают, что на бескозырке у него было написано «Аврора». А потом он погиб. И долгое время никто не знал, как фамилия этого матроса и где он похоронен. И тогда за дело взялись следопыты нашей школы. Они узнали: это был Евдоким Огнев. Тот самый Огнев, который служил на «Авроре» комендором и выстрелил по Зимнему дворцу в октябре 1917 года. А погиб он недалеко от нашего хутора, в степи, на безымянном кургане.

Теперь это место называется Огнев курган. На хуторе стоит памятник Евдокиму Огневу. А еще есть у нас в школе комбайн, который называется «Авроровец». Он построен из металлолома, который собрали наши ребята.

Ростовская область, хутор
Казачий Хомулец,
совет дружины имени
Павлика Морозова

**Евдоким Огнев,
комендор
легендарного крейсера**

**Путиловцы готовы
к штурму Зимнего**

**Фотокопия
Ленинского мандата**

ИСКУССТВО

Революционные плакаты художников Д. Моора, В. Маяковского, В. Дени, В. Лебедева

В четверг, 8 ноября (26 октября старого стиля) 1917 года газета «Рабочий путь» вышла с обращением «К гражданам России»:

«Временное правительство низложено...»

Означало ли это, что революция уже победила окончательно, что победа ее закреплена? Нет.

«Борьба началась — борьба не кончена... В эти минуты, когда решается судьба революции, когда на много лет решается судьба народа всего, мы обращаемся ко всем солдатам и матросам, рабочим и крестьянам с призывным словом: все — под ружье, все — на боевые посты, все — за революционное дело!» — взывала газета.

Но призывное слово большевиков обращалось к народу, почти полностью неграмотному. Нужно было найти язык, понятный всем. И он появился — язык плаката.

Родился не просто язык агитации — родилось новое революционное искусство.

Кто же его создал?

Молодому художнику Михаилу Черемных предложили поместить в витрины пустых магазинов, зияющих чернотой, красочные рисунки с агитационными текстами. Так появились первые «Окна РОСТА» — красочная информация Российского телеграфного агентства.

Вскоре организовался небольшой, но талантливый коллектив: Владимир Маяковский, Дмитрий Моор, Виктор Дени... Нравственная чистота, честность, революционная окрыленность объединяли их. Казалось, не было никаких условий для творчества: дешевая, почти непригодная к печати бумага, до минимума сведенные

РЕВОЛЮЦИИ

полиграфические возможности. Краски смерзались от холода. Художники, работавшие сутками, голодали. Но каждый день люди ждали новых плакатов — и они появлялись, вселяя надежду, клеймя врагов, зовя к самым важным для республики делам.

Сегодня, разглядывая плакаты, мы словно читаем живописную летопись революции. «Мы относились к искусству, как к восстанию», — говорил художник Дмитрий Моор.

Поэт Демьян Бедный писал в те годы:

Враг, лежавший
на лопатке,
Недобитый в первой
схватке,
Кровожаден и свиреп,
Вновь воспрянул и окреп.

сытного попа, который, прикрываясь христианской заповедью, живет за счет других.

Но художники не только воевали с врагами и высмеивали идеологических противников. Как все люди, защищавшие в те годы завоевания Октября, они мечтали о будущем. О России — могучей индустриальной державе. О государстве свободных людей. Об образовании народа, о тех, кто будет жить в этом будущем — о детях.

И. ЕРЫКАЛОВА

ОКНО САТИРЫ РОСТА №70.

Республика, окруженная кольцом врагов, защищалась. Красной Армии нужна была помощь всего народа, нужен был хлеб, чтобы накормить бойцов. Как объяснить крестьянам политику революционного правительства? И вот в «Окнах РОСТА» появляется «История про бублики и про бабу, не признающую республики» Владимира Маяковского.

Как настоящий боец, плакат воевал с Юденичем, Деникиным и Колчаком. Вместе со всеми радовался победам Красной Армии. «Сделать врага смешным — наполовину добить его», — писала газета «Правда» об «Окнах РОСТА».

На языке смеха заговорил в плакате Виктор Дени. Он был карикатуристом, сатириком, создавал хлесткие и смешные плакаты. Один из них назывался «Все люди братья — люблю с них брать я». Художник нарисовал отвратительного нена-

**МЫ
СМОТРИМ**

МИР

Все эти снимки я сделал в разных странах мира.

Почему я люблю фотографировать детей?

Наверное, потому, что у меня у самого есть дети — девочка и мальчик.

Еще потому, что детей не трудно снимать: их не нужно просить и уговаривать.

Потому, что на снимках они улыбаются и радуются жизни, если даже порой она и трудна.

Потому, что дети — это радость. Потому, что дети — это и боль, и заботы, и наши опасения.

Потому, что дети — это и надежда, и наши думы о них, и наше будущее. И будущее планеты.

И еще, наверное, потому, что дети всегда отлично получают-ся на всех фотографиях.

Борис ГЕССЕЛЬ

СССР

Новая Зеландия

Австралия

Мексика
Испания

ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ О ГДР?

Конкурс- викторина продолжается

«У меня дома висит карта ГДР, на ней названия некоторых округов обведены красным карандашом. В этих округах живут мои друзья — Биргит Унгер, Сильвия Плешке, Илон Лешик. Нас связывает дружеская переписка. Мои товарищи из ГДР пишут мне на русском языке, а я им — на немецком. Вечера дружбы (я президент школьного Клуба интернациональной дружбы), чтение газет и журналов из ГДР помогают лучше узнать о жизни моих сверстников...» — пишет в редакцию Ира Горда из города Кривой Рог.

Участвуя в конкурсе-викторине, читатели рассказывают о своей жизни и учебе, о дружбе с ребятами из ГДР. Каждый задает свои вопросы. Вот некоторые из них.

«Что символизирует значок пионера-тельмановца?» (Слава Сотников, Челябинск); «Почему в ГДР лучшая оценка — единица, а худшая — пятерка?» (Игорь Семенов, Воронеж); «Какой любимый литературный герой у школьников ГДР?» (Света Чута, порт Ванино, Хабаровский край); «В каком городе ГДР находится телебашня, третья в мире по высоте?» (Леня Щукин, Чебоксары)...

Ваши письма с вопросами мы отправили в ГДР, в редакцию пионерского журнала «Фрэзи». Журналисты, ученые и ваши сверстники из ГДР ответят на ваши вопросы, отберут самые интересные, и мы вместе с ними решим, кого из вас наградить призами. Результаты конкурса-викторины «Что ты знаешь о ГДР?» будут опубликованы в новом году.

ЧЕЛОВЕК НА МОСТИКЕ

В Ленинграде, недалеко от Финляндского вокзала, вдоль набережной Невы раскинулись корпуса объединения «Ленинградский металлический завод». Сто двадцать лет не смолкая шумят станки в его цехах. Обновлялось оборудование, на смену одним поколениям рабочих приходили новые, и только этот шум, как биение пульса, оставался неизменным. Человек живет, пока стучит его сердце, завод — пока стучат его станки. Только сердце у человека одно, а станков на заводе много.

Станки, как известно, бывают разные. Есть такие, которые можно поместить в коробку для обуви. А есть станки-гиганты, размером с пароход. И как на всяком пароходе, у них имеется капитанский мостик. Вы спросите, а кто же капитан? Конечно же, тот, кто управляет станком. С одним из таких капитанов, замечательным токарем Героем Социалистического Труда Валентином Петровичем Носовым нам и привелось встретиться на заводе.

Вот он стоит на мостике своего «корабля» — огромного станка длиной в 25 метров. Над ним на высоте четырехэтажного дома проплывают краны. Они переносят заготовки размером с маленький паровоз и весом около двухсот тонн. Это будущие валы турбин для электростанций. Одна из таких заготовок закреплена

на станке Валентина Носова. Мерно гудят электромоторы. Гигантская деталь вращается, подставляя свои стальные бока под острую грань резца. Заготовка весит 113 тонн, а готовый вал — 99. Значит, надо снять 14 тонн стружки — целый товарный вагон. За день такую работу не сделаешь, и за десять дней тоже. Чтобы обточить торцовый вал турбины, требуется 23 дня.

Станок поставлен на самоход. Пока он делает свое дело, мы беседуем с Валентином Петровичем. Двадцать семь лет назад впервые пришел он на завод. За это время его руками выточены тысячи самых разных деталей.

— Не скучно столько лет подряд делать одну и ту же работу? — спрашиваем мы.

Носов усмехается:

— Почему одну и ту же? Приходится и точить, и резать, и сверлить, и резцы самому затачивать, потому что с казенным резцом и работа будет казенная. В общем, дел хватает. Приносят тебе, к примеру, чертеж. Мало его прочитать — тоже, кстати, дело не простое, — иной раз приходится и дорабатывать. Вот и ломаешь голову, водишь, как школьник, мелом по доске.

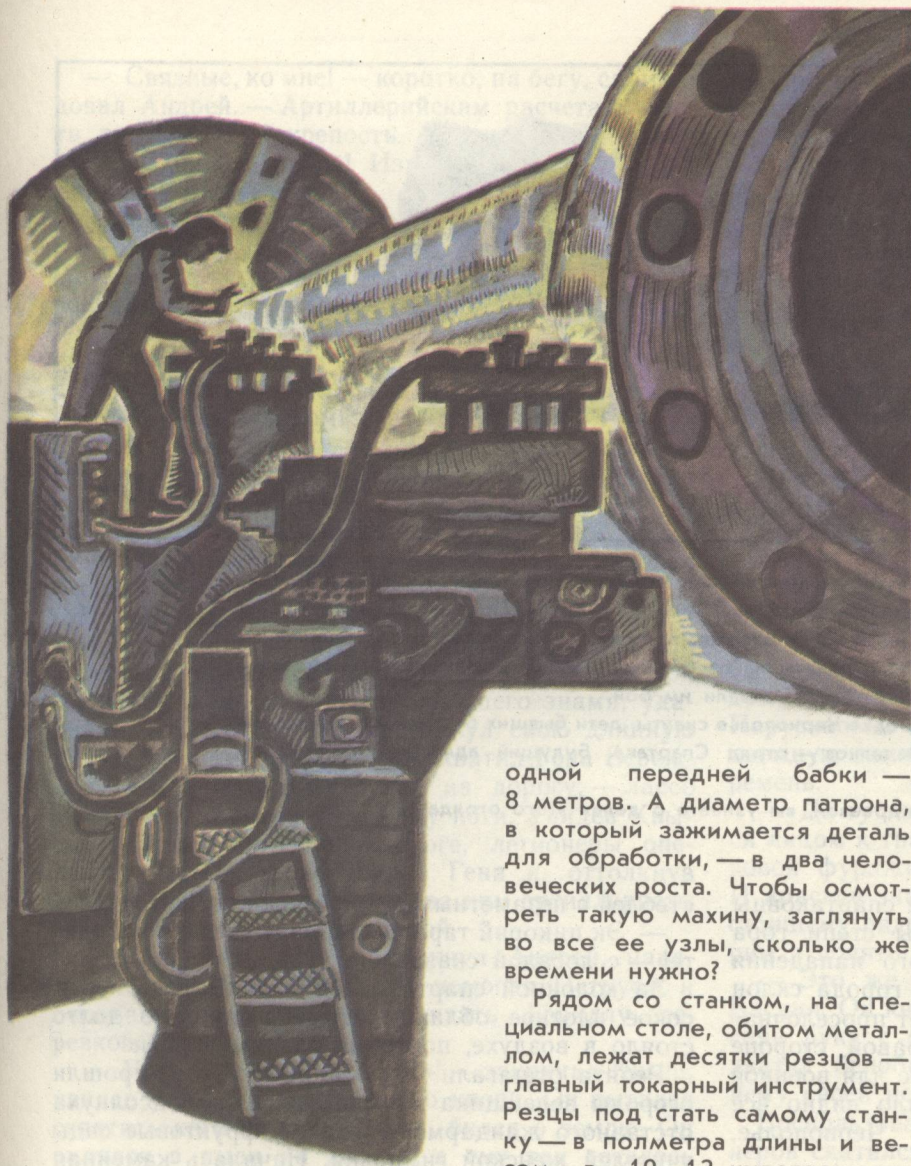
Тут только мы заметили возле станка небольшую грифельную доску, всю испещренную цифрами.

— Иногда приходится и за

ученых подумать. Взять хотя бы токарную операцию, — рассказывает Валентин Петрович. — Во время обработки деталь нагревается, да так, что потом остывает три дня. От нагрева металл расширяется, а как остынет — сожмется. И размеры у детали будут уже не те. А от точности размеров зависит работа всей турбины. Приезжали к нам ученые, целый месяц провели у станка, все думали, как избежать нежелательных результатов от нагрева, а ответа так и не нашли. В таких случаях приходится самому придумывать, искать выход из положения. Помогают интуиция, смекалка, ну и, конечно, опыт.

Валентин Петрович замолчал. Мы смотрим в его умные, немного усталые глаза и думаем о том, как много надо знать, чтобы стать таким рабочим, как Носов. Нужны не толь-

одной передней бабки — 8 метров. А диаметр патрона, в который зажимается деталь для обработки, — в два человеческих роста. Чтобы осмотреть такую махину, заглянуть во все ее узлы, сколько же времени нужно?

Рядом со станком, на специальном столе, обитом металлом, лежат десятки резцов — главный токарный инструмент. Резцы под стать самому станку — в полметра длины и весом в 10—12 килограммов. Даже не верится, что этот инструмент может обрабатывать деталь с точностью до 1 микрона, что в 30 раз тоньше волоса. Чтобы заточить такой резец и точно взять последнюю стружку, нужны снайперский глаз и артистическое умение, огромный опыт и природный талант.

О настоящем моряке говорят: он родился для моря. Примерно то же самое можно сказать о любом мастере своего дела. Один родился артистом, другой моряком, третий художником или спортсменом. Валентин Петрович Носов родился токарем. И, похоже, ничуть не жалеет об этом. Вот он уже снова на своем рабочем месте, внимательный, сосредоточенный — как будто слился с огромным станком.

К. АРОН, Л. НИЖНИЙ
Рисунки Л. Нижнего

ко умелые руки, сноровка и точный глаз. Нужны изобретательность, техническая образованность, не говоря уже о знании станка, на котором работаешь.

Валентин Петрович как будто подслушал наши мысли.

— А то еще и такое бывает. Выйдет станок из строя — зовешь ремонтника или электрика. Ребята они умелые, а тоже не всегда могут разобраться, отчего произошла поломка. Ведь прежде, чем станок лечить, надо диагноз поставить. А для этого надо знать станок, как свои пять пальцев. Приходится самому браться за ремонт.

— Выходит, вы еще и доктор? — смеемся мы.

— Выходит, что так.

Мы еще раз обходим вокруг станка. Вот это пациент! Длина

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ДРУЗЬЯМ

Я не один,
со мной мои друзья.
Они верны
и даже в час суровый
они отдадут мне все готовы,
коль буду в том нуждаться я!

Они со мною
делят радости свои
и горем тоже
делятся со мною,
и иногда, я этого не скрою,
горюю больше, чем они.

Мы крепко меж собою
скреплены.
Нас невозможно разорвать
на части.
И если в жизни мы отыщем
счастье,
то счастьем будем вместе
мы полны!

Андрей Кравчина,
8-й класс,
Ташкент

КОРМУШКИ

Снег кружится,
снег ложится,
Словно в сказочной стране.
Две проворные синицы
Показались на окне.
Показались, постучались:
Мол, привет вам со двора!
Видно, где-то постаралась
Для синичек детвора.
Где-то сделала кормушки
Дети птицам для зимы.
А кормушки — не игрушки!
Может, сделаем и мы?..

Андрей Белоусов,
8-й класс,
хутор Базки,
Волгоградская область.

Н. АНДРЕЕВА

РАССКАЗ

Рисунки И. Дяткиной

Эту историю рассказал автору вице-адмирал Аркадий Терентьевич Кучер. Шел двадцатый год. Армия Врангеля отступила за Перекоп, в Крым. По всей Украине гуляли банды разных атаманов. Они грабили население, в селах убивали тех, кто поддерживал Советскую власть, совершали налеты на пассажирские поезда. Измученные, оборванные, часто голодные красноармейцы давали им бой.

В маленьком южном городке Чернополе скауты, дети бывших богачей, организовали Белый легион, а дети бедняков — отряд Спартака. Будущий адмирал был выбран командиром спартаковцев.

Прочитав рассказ Н. Андреевой, вы узнаете о делах этого отряда.

...Крепость на Стреженьской горе спартаковцы построили еще весной. Со стороны степи гора обрывалась кручей, и неожиданного нападения оттуда не могло быть. Со стороны города склон пологий. Подножие горы опоясывает проселочная дорога, уходящая в степь; по правой стороне дороги ров. Ребята облюбовали себе для военной игры это глухое место, откуда было видно все вокруг километров на пять, и Чернополе, и степь...

Весь в пыли, в замусоленной гимнастерке, в брюках с оторванной штаниной к командиру подбежал Петрусь Козаченко.

— Разведчики в боевой готовности, двое на задании!

— За боевую готовность — молодцы! А вот за то, что не следите за одежкой на потеху барчукам, от всех Красных Спартаковцев... порицание.

— Правильно, — слышались недовольные голоса. — Ходят чумичками!

Андрей вынул из кармана нож.

— На, обрежь и другую штанину — будут трусы! — сказал он, передавая Петрусью нож.

Командир разведчиков завозился со штаниной.

— В колонну по трое, становись! — скомандовал Андрей. — Идем в крепость на Стреженьскую гору испытывать новую катапульту.

Ребята начали строиться. Установили катапульту на тачку, подложили под станину клинья, чтобы катапульты держалась прочно.

...С обеих сторон дороги были глубокие рвы, заросшие ползунком да колючкой. Редкие пятна покрытого пылью подорожника начали желтеть. И только цикорий, широко распахнув голубые ресницы, нежно глядел со своих сухих длинных

стеблей с незаметными тонюсенькими листочками.

— Эк цикорий тарашится, опять дождя не ждите! — с досадой сказал Петрусь.

За колонной спартаковцев поднималось невысокое плотное облако желтой пыли, оно долго стояло в воздухе, повторяя извивы дороги.

Ребята отшагали уже две трети пути, прошли огороды зеленщика Кныша, посадки подсолнуха отставного жандарма Савватеева, фруктовые сады учителей женской гимназии. Началась каменная ограда кладбища, длинная, до самого поворота к горе.

Было тихо, только катапульты постукивала о тачку. Жара разморила даже птиц.

Вдруг раздался резкий шепот Петруся:

— Горилла, Горилла ползет!

Из кустов акаций в придорожный ров выкатился Димка Кныш, сын лавочника. Сухой глинозем осыпался под его руками, ему никак было не выбраться на дорогу.

Высочившие из-за кирпичной ограды легионеры во главе с Борькой Савватеевым, сыном бывшего жандарма, еле удержались на ногах, чтобы не оказаться вместе с Гориллой на дне сыпучего рва. От долгого сидения в засаде их белые гимнастерки покрылись темными пятнами пота, клочьями сухой колючей травы, а красные лица были перепачканы глиной, из-под форменных гимназических картузов торчали мокрые волосы.

Кныш понял, что, поднявшись на дорогу, окажется один, и побежал вдоль рва к мосткам у самого подъема на гору. Бежать ему было трудно, под ноги попадались большие камни, куски засохшей глины. Кныш часто упирался своими длинными руками в склоны рва, и от этого казалось, что он бежит на четырех лапах.

— Связные, ко мне! — коротко, на бегу, скомандовал Андрей. — Артиллерийским расчетам увезти катапульта в крепость. Усилить охрану знамени! Сдвинуть щиты! Изготовиться к обороне! Бего-о-ом! Быстре-ей!

К командиру подскочил Петрусь.

— Гориллу беру на себя, — прошептал он. — Накину на него лассо, свяжем, иначе с ним не совладать. Всех искалечит!

— Генка Бережной пусть следит за Савватеем, — тихо сказал Андрей.

Гимназисты бежали вдоль каменной ограды, на ходу подымая комья сухой глины.

— Изобьем рвань нагольную, вояки драные, узнаете, как таскать красную тряпку! — орал на ходу вожак Савватей.

В спартаковцев полетели первые камни.

— Принять врага на себя! — скомандовал Андрей арьергарду.

В легионеров полетели их же камни. Спартаковцев защищали прочные щиты. До мостков добежали одновременно. Горилла в один прыжок оказался около Васяни, державшего знамя, ударил наотмашь по лицу, протянул свою длинную ручищу к знамени, но знамя схватил Гена Бережной, а Горилла шмякнулся на дорогу, — лассо Петруся туго захлестнуло ему ноги. Увидев Кныша растянувшимся на дороге, легионеры опешили. Этим воспользовался Гена и, оттолкнув врагов, бросился к траншее, за ним артиллеристы выкатили тачку с катапультой.

— Защищать мост! — крикнул Андрей, навалившись на ноги Кныша и помогая Петрусю и окровавленному Васяне связать Гориллу веревкой.

— Убивают, лишают жизни! — закричал Кныш, увидев у себя на плече пятно крови. Он пытался схватить кого-нибудь зубами, бился о землю. Он валялся в пыли на дороге, а ему так хотелось рассчитаться с гольтьбой!

Борька Савватей метался среди дерущихся, выкрикивая распоряжения, но никто его не слушал.

Над траншеей заплескалось красное знамя. Всякий чужак, попытавшийся сейчас подойти близко к траншее, мог поплатиться головой. К противнику были обращены катапульти и луки. Теперь целое звено мальчишек, обученных Петрусем набрасывать лассо, выуживали поодиночке самых воинственных гимназистов. Последним из сражающихся легионеров покотился по траве Борька Савватей.

— Напали на безоружных, — орал он, отбиваясь от спартаковцев, — а еще себе знамя присвоили красное! Мир, свобода, братство!..

— Кто первый каменюку поднял, кто? — вопрошал Петрусь, стоя над Борькой. — Вас сколько? Больше двадцати пяти, а нас чуть не в два раза меньше!

— А наше красное знамя мы никому хватать не дадим, — тихо сказал Андрей. — А ты, Савватей, брось отнимать у маленьких шапки и обтирать ими свои ботинки. От своего отца, жандарма, научился унижать людей?!

Савватей молчал, взвешивая обстановку, сей-

час расправиться с врагами не было никакой возможности, сдаваться не хотелось. На мосту кучкой стояли окруженные легионеры.

Лишь связанный Кныш продолжал кричать.

— Всех искалечу, всех! — орал, бился головой о дорогу и громко выл: — Никому-у не спущу-у-у!

Вдруг извернувшись, он со всего маху ударил ногой сидевшего на дороге легионера. Тот дико завопил, запричитал:

— И-идо-ол, те-е-бе-е все бы драться, свяжись с вами-и!

— Беги к мамочке, маменькин сынок! Хлюпики, трусы, вмиг красным продадитесь, шкуры! — ругался Горилла.

— Кто тут красных вспоминает? — раздался с дороги хриплый голос.

Ребята разом оглянулись.

Человек стоял, широко расставив ноги в больших армейских ботинках. Носок правого ботинка был аккуратно стянут белым телефонным проводом, чтоб не отставала оторвавшаяся подошва. Парусиновые обмотки туго обтягивали ноги. Цветную гимнастерку охватывал новый широкий ремешок.

— Да тут настоящий бой! — Человек повернулся лицом к траншее. И Андрей увидел на парусиновой фуражке огромную кумачовую звезду. — И красное знамя, гляди, полощется, — сказал он стоящему рядом красноармейцу. — А мы-то смотрим и понять не можем, какие части сражаются!

— Это же наши, наши! — неистово закричал Васяня. Он кинулся к человеку со звездой. И тот, сняв руку с огромной деревянной кобуры, подхватил белобрысого мальчишку и прижался к нему своей небритой щекой.

Воспользовавшись заминкой, кое-кто из легионеров скатился в ров и побежал к городу. Кныш гнусавым голосом начал доказывать, что ему четырнадцать лет и все здесь понарошку.

— Вон Горилла понарошку ударил своего дружка по колену, так тот и подняться не может, — показал Петрусь на сына учителя, сидевшего в самой пыли на дороге, обхватив ногу.

— Дрались вы сурово! — подтвердил красный командир. — Кто командующий?

Андрей шагнул к командиру:

— Я командир отряда Спартака. Мы шли в крепость испытывать новое оружие. А эти, легионеры, на нас напали. Развяжите Савватей, — приказал он.

— Задаваться они стали, — глядя в землю, пробурчал Савватей. — Кнышу вон руку искалечили, всю ночь примочки держал.

— Это на нашем подворье он искалечился, — заговорил Васяня, — хотел утюг сбросить и всех разогнать.

— Кого это всех? — спросил командир.

Васяня молчал.

— Прачками заделались, — сквозь зубы просвистел Кныш.

— У Васяни мать больная лежит, она прачка, с заказом опаздывала, — объяснил Андрей. — Мы хотели помочь...

— Чего же тут плохого? — сказал красный командир. — Что будешь с пленными делать? — спросил он у Андрея.

— Пусть без ремней топают до дому! — предложил Петрусь.

— Без ремней, без ремней! — поддержали все.

— Я больше не буду! — заканючил Кныш.

— Врет он, да пусть топает, — спокойно сказал Слава.

— Развязать! — приказал Андрей.

Лишь только Петрусь смотал с ног Кныша лассо, тот вскочил, освободил руки и побежал, согнувшись, к огороду.

— Товарищ комиссар, какие будут указания? — обратился к красному командиру боец с кумачовой повязкой на руке.

— Располагайтесь на отдых, товарищи!

Петрусь вплотную подошел к комиссару, огляделся, увидел, что никого из легионеров поблизости нет, и совсем тихо проговорил:

— В Топольках беляки, отсюда час на лошади ехать. Много их там, — Петрусь сощурил свои темные, широко расставленные глаза.

— А ты откуда знаешь? — с удивлением спросил комиссар.

— И пушки у них там! Дула — вот такие широкие, — Петрусь показал руками.

— Крупнокалиберные орудия, — подумав, сказал комиссар, — видно, большая часть. Может, покажешь моим хлопцам ближнюю дорогу? — обратился он к Петрусю.

Петрусь даже задохнулся от счастья.

— С конем-то справишься?

Мальчишки все враз пожали плечами: смешно спрашивать, чтоб их разведчик Петрусь с конем не справился!

— Моя фамилия Оленин, — обращаясь к Андрею, проговорил комиссар. — А теперь показывай свою крепость.

Андрей вытянул руку.

— Смотрите, — сказал он. — Там, где знамя, — траншея. Из нее мы ведем прицельный огонь. Поднимемся наверх, чтобы лучше видеть?

— Поднимемся. — Комиссар увидел крестообразную траншею, во всех четырех концах траншеи возвышения. Четыре катапульты смотрели на четыре стороны света.

Окончание следует

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ЗОРКИЕ ЛУЧИ РЕНТГЕНА

Прибор, лежащий на моей ладони, напоминает фотоаппарат. Рядом на столе разместили экран размером с тетрадный лист. И все. Больше никаких устройств. Я знал, что мне должны показать миниатюрные рентгеновские установки, но это...

— Наш «Квант» весит всего девятьсот граммов, — поясняет один из его авторов инженер Евгений Абрамович Пеликс. — Однако ему по плечу сложная задача: металлический лист толщиной в два пальца он просвечивает, словно прозрачное стекло. По сравнению с этим сделать рентгеновский снимок человека — пустяк. Просвечивание карликовым аппаратом больных на дому или пострадавших, скажем, на месте автомобильной аварии скоро станет обычным делом для медиков.

Современные рентгеновские аппараты по громоздкости уже можно сравнить с ископаемыми мастодонтами. «Квант» — первенец будущей «карманной» рентгенохимии. Его изобрели и начинают выпускать специалисты ленинградского объединения «Буревестник».

ПЕРО БЕЗ ЧЕРНИЛ

Удивительную авторучку, которую вместо чернил следует заряжать электрическим током, построил рабочей изобретатель Ю. В. Головин и Е. С. Аксенов. Разогретое перо этой ручки пишет, чуть обжигая поверхность бумаги.

— Срок службы моего перышка, — рассказывает Юрий Васильевич, — десять тысяч часов непрерывной работы. Оно не требует никакого ухода. Не

надо покупать чернила, заправлять баллончики, чистить засорившееся острие. Батарейка в корпусе ручки — с регулятором: ведь для тех, кто пишет быстро, разогреть перо следует сильнее.

В Ленинграде выпущены уже тысячи электроперьев.

ЖАРЕНый ЛЕД

— Жареный лед? — переспрашивает ленинградский ученый, профессор Иван Васильевич Помазанов. — Можете потрогать его руками! Мы уже научились его получать.

Секрет поймет тот, кто знает физику. Если спаять несколько полупроводниковых проводков и пропустить по ним ток, то в месте спая непременно выступят кристаллики инея. А как получить ток? Для этого достаточно использовать разницу температур и опять-таки те же самые полупроводники.

Так ученые построили кастрюлю-холодильник, которая может пригодиться всем.

Представьте себе туриста, охлаждающего напиток на костре. Или вообразите хозяйку, которая готовит холодную окрошку на газовой плите. На том же принципе можно построить дом со стенами, которые, в зависимости от погоды, сами бы обогрелись или охлаждались.

ПОД ЧЕРНОЙ ПЛЕНКОЙ

Необычным способом посадили картофель в одном из совхозов под Ленинградом: разложили рядками клубни на грядках, а затем все поле укрыли... непроницаемой черной пленкой.

Знаете, зачем понадобилась такая мера? Чтобы избавить поле от сорняков. Изолированная от света «зловредная»

травка увядает, едва успев проклюнуться из-под земли. А урожай?..

Спустя некоторое время на пленке появляются небольшие «стучатся» росточки картофеля, требуя доступа к солнцу. Тогда на помощь приходит нож земледельца. И растения по-снайперски точно выстреливают наружу свои побеги.

Результат? Урожай в полтора раза выше, и убирать его можно было на полмесяца раньше. Под пленкой всегда тепло и сыро. Земле под «плащом» не страшны ночные заморозки. Но главное: облегчается осенний сбор — крупные, с два кулака, картофелины вырастают прямо на почве.

ИССЛЕДУЕТСЯ... ПОХОДКА

Четкий ли у вас шаг? Правильная ли у вас осанка? Не спрашивайте об этом друзей — они могут ошибиться. Лучше воспользуйтесь устройством для изучения походки, которое изобретено в Ленинграде.

Строго обоснованное заключение, оказывается, дать не просто. Сперва вас покачают на качелях и покрутят на центрифуге. После того, как орган равновесия — вестибулярный аппарат — получил должную нагрузку, вам предстоит пройти по специальной дорожке, вдоль которой расстелены параллельные полосы из фольги. С тем, кто ровно печатает шаг, все ясно. Ну, а если тебя покачивает, ты обязательно заденешь боковые полосы и на столе у врача загорится лампочка.

Тех, кто выполнил нормативы, можно поздравить. С чем? С тем, что он годится в летчики. И даже в космонавты.

В. ЧЕТКАРЕВ

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

СЕМЕРО БРАТЬЕВ

СКАЗКА

Борис СЕРГУНЕНКОВ

В одной деревне жили семеро братьев: Иван, Степан, Демьян, Емельян, Митрофан, Валериан и Феофан. Весь народ в поле трудится, а братья от безделья маются. Говорят им люди: «Пока молоды, беритесь за ум да учитесь работать, а не то вырастите лоботрясами». Обиделись братья: «Мала нам деревня, силы да умения у нас много, а не дают нам развернуться. Пойдем-ка по свету, себя покажем, счастья поищем».

Пошли. Впереди Иван, за ним Степан, Демьян, Емельян, Митрофан, Валериан и Феофан. Пришли на конный завод. Видят на лугу табун коней пасется. Говорят братья табунщику: «У тебя бы мы с удовольствием поработали, возьми нас к себе». Отвечает им табунщик: «Ладно, только вначале погляжу, на что вы годны». «Мы все умеем, — говорят братья, — а коней ловить лучше нас никого нет». Говорит им табунщик: «Пойдите и поймайте для начала вон того хромого коня».

Глядят братья. Стоит в поле конь не конь, а кляча. На передние ноги хром, на задние подбит, один глаз бельмом прикрыт, другого вовсе нет.

Пошел Иван коня ловить. Ловил он коня арканом — сам себя арканом поймал. Пошел Степан коня ловить — конь его в аркан запутал. Пошел Демьян коня ловить — вместо коня табунщика

поймал. Пошел Емельян коня ловить — поймал комара. Пошел Митрофан коня ловить — ушел с уздечкой в другую сторону и не вернулся. Пошел Валериан коня ловить — принес табунщику уздечку и говорит: «Догнал я коня, поймал я коня, бери, хозяин, коня». Пошел Феофан коня ловить: лег на травку, зевнул сладко и говорит: «Сосну-ка я часок, конь ко мне во сне придет, тут я его и поймаю».

Поглядел табунщик на работу братьев и говорит: «Ну, таких работников я сроду не видел». Взял он кнут, замахнулся кнутом на братьев.

Испугались братья, побежали, еле ноги от табунщика унесли.

Видят, на горе высокий дом стоит, а на крыше дома башня, а в башне астроном сидит, в трубу на небо глядит, дальние звезды рассматривает. Говорят братья: «У тебя мы с удовольствием поработаем. Возьми нас к себе в помощники на звезды глядеть». Отвечает им астроном: «Ладно,

возьму я вас к себе в помощники, только вначале погляжу, на что вы мастера. Поглядите-ка внимательно, что вокруг видите?»

Поглядел Иван — себя увидел. Поглядел Степан — трубу увидел. Поглядел Демьян — астронома увидел. Поглядел Емельян — ничего не увидел. Поглядел Митрофан — ушел в темноту и не вернулся. Поглядел Валериан и говорит: «Гляжу я на что-то, вижу я что-то, а что вижу, сам догадайся». Дошла очередь до Феофана. Лег он на землю, зевнул сладко и говорит: «Сосну-ка я часок, что во сне увижу, то и скажу».

Поглядел астроном на работу братьев и прогнал их прочь.

Бегут братья. Видят, пашет в поле трактор, а на тракторе тракторист сидит. Говорят братья трактористу: «На такой работе мы бы с удовольствием поработали, возьми нас, тракторист, к себе

в помощники. Мы пахать мастера». Отвечает им тракторист: «Ладно, возьму я вас к себе в помощники, только вначале проверю, на что вы годны. Возьмите-ка лопатку да вскопайте мне на пробу полгрядки земли».

Копал Иван лопатой землю — себя закопал. Копал Степан лопатой землю — трактор закопал. Копал Емельян лопатой землю — тракториста закопал, тот чудом из земли вылез. Копал Емельян — счистил грязь со своих сапог. Копал землю Митрофан — ушел с лопатой в сторону и не вернулся. Копал землю Валериан — подержал в руке лопату и говорит: «Вскопал я грядку, поднял я грядку, принимай, хозяин, грядку». Копал землю Феофан — лег на травку и говорит: «Сосну-ка я часок, во сне и грядку вскопаю».

Поглядел на работу братьев тракторист, рассердился. Сел он на трактор и направил его на братьев.

Испугались братья, побежали. Видят, лежит в лесу охотник, медведя поджидает. Говорят братья: «Возьми нас к себе в помощники, не пожалеешь. Мы в охоте большие мастера». Отвечает им охотник: «Ладно, возьму я вас к себе в помощники. Убейте мне для начала вон того зайца». Видят братья, лежит в трех шагах от них заяц и ушами шевелит. На ноги бос, на глаза кос, хвостик торчком стоит, нашим охотникам привет машет.

Стрелял в зайца Иван — чуть себя не убил. Стрелял в зайца Степан — чуть его заяц не убил. Стрелял в зайца Демьян — чуть охотника не убил. Стрелял в зайца Емельян — принес вместо зайца тоненькую шерстинку. Стрелял в зайца Митрофан — ушел с ружьем в сторону и не вернулся. Стрелял в зайца Валериан — подержал в руке ружье и говорит охотнику: «Убил я зайца, добыл

я зайца, бери, охотник, зайца». Стрелял в зайца Феофан — шубу на снег постелил, на одну полу лег, другой прикрылся, зевнул сладко и говорит: «Сосну-ка я часок, во сне и зайца убью».

Поглядел на таких братьев охотник, рассердился: замахнулся он ружьем на братьев.

Испугались братья, побежали, еле ноги от охотника унесли. Бегут они. Видят, идет по дороге отряд трубачей и играет в трубы. А за трубачами люди идут, поют и пляшут. Говорят братья трубачам: «Возьмите нас к себе в помощники, мы вам не такое сыграем». Говорят им трубачи: «Ладно, только вначале посмотрим, на что вы годны». Дали им трубачи трубы: «Сыграйте что-нибудь на пробу».

Затрубил в трубу Иван — чуть сам не лопнул. Затрубил в трубу Степан — чуть труба не лопнула. Затрубил в трубу Демьян — чуть трубачей ветром не сдул. Затрубил в трубу Емельян — в рот воздух набрал, а выдохнуть не может. Затрубил в трубу Митрофан — ушел с трубой в сторону и не вернулся. Затрубил в трубу Валериан — подержал в руке трубу и говорит: «Сыграл я на трубе, славная получилась игра». Дошла очередь до Феофана. Лег он возле дороги, зевнул и говорит: «Сосну-ка я часок, во сне вам и сыграю».

Послушали братьев трубачи. Прогнали их прочь.

Испугались братья, побежали.

Бежали, бежали, да в родную деревню и прибежали. Смотрит народ на братьев и смеется: «Эх вы, горе-работнички! Ничего-то вы делать не умеете. Прежде чем по свету ходить, людей смешить, научитесь в родной деревне трудиться».

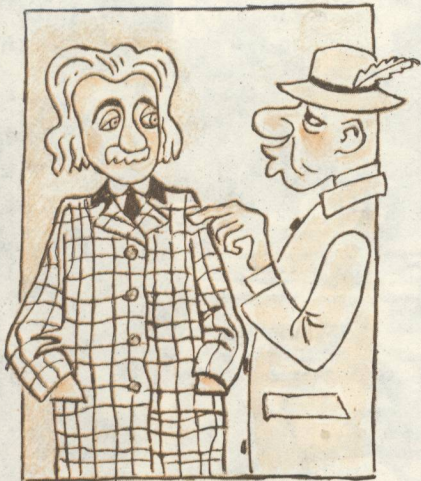
Вернулись семеро братьев в родную деревню. С тех пор там живут, трудятся.

Рисунок А. Януса

Рисунки А. Орлова

Однажды Эйнштейн встретил в Нью-Йорке знакомого.

— Господин Эйнштейн, — проговорил тот после приветствия, — вы непременно должны купить себе новое пальто. Это уже износилось.

— Зачем же? В Нью-Йорке меня никто не знает, — ответил Эйнштейн.

Несколько лет спустя они снова встретились. Великий физик был все в том же пальто.

Знакомый опять посоветовал ему купить новое.

— Зачем же? — ответил ученый. — Здесь меня знает каждый.

Однажды академик Гудзий экзаменовал очень ленивого студента.

Наконец, отчаявшись, он спросил: «Ну, а чьи лекции вы хотя бы слушали?»

— Академика Гудзия, — несколько подумав, отвечал студент.

— Это уже прогресс! — сказал академик. — В прошлый раз вы не смогли сказать даже этого...

ЗА ТЕБЯ, РЕВОЛЮЦИЯ!

Памятник «Борцам революции». Марсово поле в Ленинграде, место, дорогое нашим сердцам...

И знает Земля,
Что погибшие в битвах живучи,
И нет без них жизни
Для новой победы живых.

«За тебя, Революция!» — это сборник стихов, рассказов, очерков о тех, кто мечтал о победе Октября, беззаветно был предан идеалам рабочего класса, кто не пощадил своей жизни, когда свою Революцию, свою молодую Страну Советов надо было уберечь от врагов. (Составитель — В. Н. Суслов, издательство «Детская литература» в Ленинграде).

Открываешь книгу и словно ступаешь сам на священную землю Марсова поля, самходишь к Вечному огню и читаешь на граните памятника «Борцам революции»: «Не жертвы — герои лежат под этой могилой...», «Бессмертен павший за великое дело. В народе жив вечно, кто для народа жизнь положил».

Июнь, июль, август 1918 года. «Убит врагами револю-

ции...» «Погиб от рук мятежников в Ярославле...» «Скончался от ран...» «Погиб в бою с бандами Юденича...».

Легендарные имена — Володарский, Урицкий, Сиверс, Восков, Газа, Раков, Солодухин... «Не горе, а зависть рождает судьба ваша в сердцах всех благодарных потомков».

Страница за страницей... Эту книгу невозможно прочесть в один присест. И не надо торопиться. Сначала рассмотри фотоснимки, портреты, репродукции документов первых лет Октября. Многие из них есть только в этой книге, печатаются впервые. Авторы отыскали их в музеях, архивах, в собраниях историков и коллекционеров.

Может быть, кое-что ты захочешь перечитать еще и еще раз, записать себе на память. В биографиях этих замечательных самоотверженных людей можно найти ответ на многие вопросы, которые возникают в жизни каждого человека.

В Волгограде или Одессе, в Новороссийске или Севастополе, Керчи или Москве, Бресте

или Киеве ты стоишь у Вечного огня, — помни, он зажжен от пламени на Марсовом поле, в сердце города Ленина, колыбели трех революций.

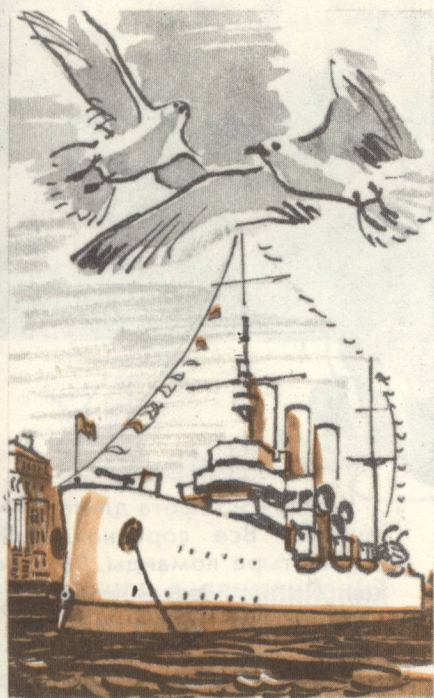
Дорого нам Марсово поле и тем, что здесь бывал Владимир Ильич Ленин.

Первый раз — в день маевки, 1 мая 1917 года. Проходила грандиозная рабочая демонстрация. Н. К. Крупская вспоминала об этом дне так: «Он (Владимир Ильич) вернулся домой глубоко взволнованным. Рассказывал мало, и трудно ведь словами передать то, что в тот момент было пережито...»

Второй раз, в июньские дни 1917 года, В. И. Ленин участвовал в митинге демонстрантов на Марсовом поле. И в последний свой приезд в Петроград он пришел к памятнику «Борцам революции» вместе с делегатами II конгресса Коминтерна, чтобы возложить венки на могилы павших героев. Этот момент вы видите на фотоснимке, помещенном в сборнике.

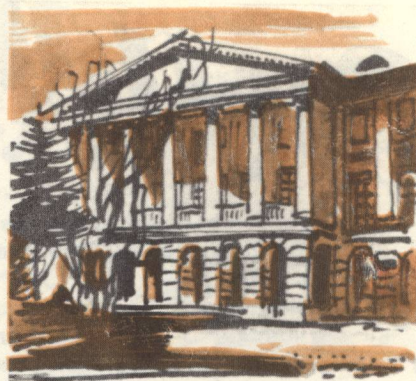
Л. ПОЖИДАЕВА
Оформление В. Нефедовича

много — не только потому, что, как выяснилось, любит учиться и учится хорошо, но и потому, что его многое интересует — не только как самого юного члена общества дружбы, но и как активиста пионерской организации Маринья-Гранде.

По дороге на завод Жоржи рассказывал о делах своей пионерской организации: о том, как организовали библиотеку и собирали для нее книги (кстати, недавно в Португалии появился перевод первой советской книги для детей — «Мальчиша-Кибальчиша» А. Гайдара), как привлекают всех ребят к занятиям спортом (Жоржи член сборной Маринья-Гранде по плаванию), о том, как пионеры помогают коммунистам.

вступить в союз студентов-коммунистов, как его старшая сестра, а потом — в ряды Португальской коммунистической партии.

А пока Жоржи учит русский язык: вдруг повезет и он поедет учиться в Советский

1979 год —
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА

Жоржи из Маринья-Гранде

«Маринья» по-португальски значит «флот». Или еще — «морской берег». Или «морской пейзаж». «Гранде» — «большой». Большой морской флот, большой морской берег? Но городок Маринья-Гранде невелик. Расположен он на берегу океана и славится своим пляжем, сосновым бором — он называется «Королевским сосняком», потому что посажен триста лет назад по приказу одного португальского короля. Славен городок и своими изделиями из стекла.

Наш автобус остановился при въезде в Маринья-Гранде, и в автобус сели активисты местного отделения общества дружбы Португалия — СССР. Они должны были показать нам стекольный завод. Среди них была улыбчивая кареглазая женщина, учительница из Маринья-Гранде, с сыном, десятилетним Жоржи.

Темноглазый смуглый Жоржи оказался человеком общительным и знающим. Знает он

Когда коммунисты городка готовились провести праздник «Аванте» — это газета коммунистической партии Португалии, а слово «аванте» значит «вперед», — пионеры ходили на стекольный завод, собирали разноцветные осколки, а потом делали из них коллажи — подбирали рисунок, как в мозаике, наклеивали на дощечки, и получалось, сказал Жоржи, очень красиво, — потом на празднике «Аванте» все, кто выиграл эти «мозаики» в лотерею, были очень довольны. А деньги шли в фонд компартии.

И про завод Жоржи все знал: и про то, как механизированы цеха, и про работу профсоюза, защищающего права трудящихся. Жоржи сказал, что собирается сам здесь работать инженером, когда кончит школу и институт. И не только работать: Жоржи мечтает стать коммунистом и бороться за права рабочих, за новую Португалию. Он рассказал, что собирается сначала

Союз. Он уже может написать русскими буквами свое имя. И знает кое-что о Ленинграде, городе, где побывала с делегацией общества Португалия — СССР его мать. Жоржи надеется увидеть собственными глазами уже знакомые ему по открыткам крейсер «Аврору», Смольный, Эрмитаж.

А. КОСС

Сильные,

Оформление
Т. Капустиной

Так называется спортивная игра, которую в Вильнюсе знают все ребята.

В каждой команде 24 игрока — ученики 3—6-х классов. Мальчиков и девочек — поровну.

Сначала соревнуются отряды одной школы. Потом — разных школ. После районных соревнований — финал. Проходит игра с октября по май.

Игра очень проста. Все построено на движении. Инвентарь — мячи, скакалки, обручи, скамейки... Каждый год правила игры обновляются. Ребята ориентируются на месте.

У игры пять этапов. Участники районных игр получают звание пионера-инструктора подвижных игр. Надо знать шесть-восемь видов игры, чтобы стать инструктором. Инструкторы сами проводят соревнования в пионерлагерях и в клубах...

Начинается игра. Выбегают четверка. Два мальчика, две девочки.

Стремительные кувырки — четыре белых шара. Передача

Смелые,

эстафетной палочки. Прыжки на одной ноге. Выбегают новые четверки. Игра мячом. Прыжок! Пальцы с трудом удерживают скользкий мяч. Вот круглый коридор из обручей. Солнечно-желтый. По нему — змейкой... Есть и полоса препятствий, и лабиринт. Игра быстрая, переменчивая, веселая, как горная речка!

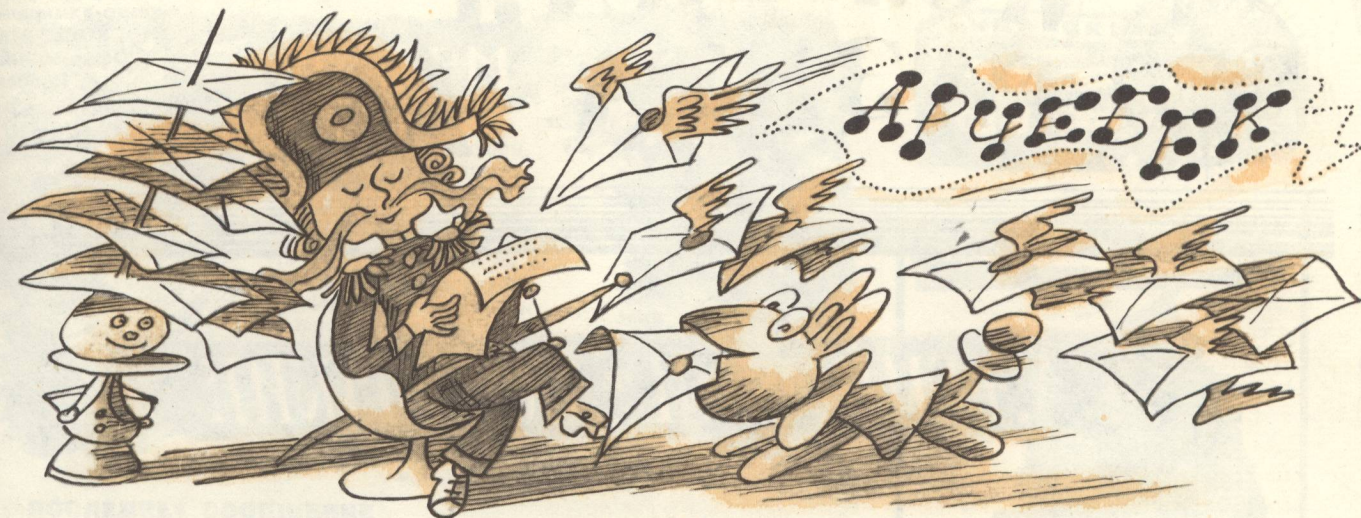
Каждая эстафета длится 2—3 минуты. Все соревнование — час. Четыре команды, 96 человек. По количеству участников игра не имеет равных.

И во дворе можно играть в эту игру. Ведь главное — чтобы каждый стал смелым, сильным, ловким!

Александр ЛИСНЯК

Ловкие

ЗАПИШИСЬ В ОЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР!

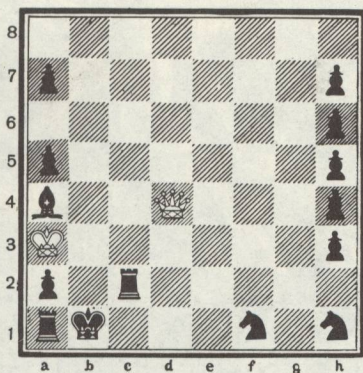
Если ты хочешь испытать свои силы в борьбе — за звание чемпиона **АРЧЕБЕКА** по шахматам и шашкам, за диплом и приз, за спортивный разряд, сегодня же напиши и отправь открытку-заявку («Прошу принять меня...»). Олимпийский турнир разведчиков **АРЧЕБЕКА** начнется в январе. Зачислен будет каждый умеющий играть.

А тот, кто играть пока не умеет, попадет в особый Отряд резерва и там получит необходимую подготовку.

Вступайте в разведчики АРЧЕБЕКА! Включайтесь в Олимпийский турнир!

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Зашли вчера сюда три арчебековца — Валерий, Костя и Игорь. Увидели забавную позицию.

— У черных хоть и куча фигур, но их король стоит так плохо, что белые им скоро мат дадут, — сказал Костя.

— Скоро? Вряд ли. Я считаю, что не раньше, как за 10 ходов, — сказал Игорь.

— Попробуй-ка дать за 10! — воскликнул Валерий. — Тут и за 20 мат не дашь.

— Десять, двадцать... Так вы и до ста дойдете! — засмеялся Костя. — Давайте лучше проведем точную разведку.

И что же, вы думаете, показала разведка? Удивительное дело! В этой позиции дать мат белые могут, но... не раньше, чем за 130 ходов! Не верите? Вот доказательство.

Представьте, будто у черных нет ни их коней, ни пешек на линии h, а пешка a7 стоит на a6. Тогда белые дали бы мат в 5 ходов — Фe4! Сb3 (другого нет); Фe1+Лс1; Фd2 Лс2; Фd1+Лс1; Ф:b3X. Так? А теперь поставим цель — побить обоим коней, пять пешек справа и заставить пешку a7 продвинуться на a6. Это можно выполнить за 125 ходов так:

1.Фd1+Лс1 2.Фd3+Лс2 3.Ф:f1 Лс1 4.Фd3+Лс2 5.Фd1+Лс1 6.Фd2! Лс2 7.Фe1+Лс1 8.Фe4+Лс2 9.Ф:h1+Лс1 10.Фe4+Лс2 11.Фe1+Лс1 12.Фd2 Лс2 13.Фd1+Лс1 14.Фd3+Лс2 15.Фe4! Теперь черные должны пойти пешкой (если слоню, то последует уже указанный мат).

15...h2 16.Фe1+Лс1 17.Фd2 Лс2 18.Фd1+Лс1 19.Фd3+Лс2 20.Фe4! Черные опять должны двинуть пешку — 20...h1Ф (не меняет дела и иной ход пешкой) 21.Ф:h1+Лс1 22.Фe4+Лс2 23.Фe1+Лс1 24.Фd2 Лс2 25.Фd1+Лс1 26.Фd3+Лс2 27.Фe4!

Многочратно повторяя этот маневр, белые забирают пять черных пешек справа, а пешку a7 заставляют перейти на a6, и возникает позиция, в которой мат дается в 5 ходов.

Эту задачу на мат в 130 ходов составил австрийский композитор И. Галумбирек.

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Задачи арчебековцев Александра Гришаева (с. Ратчино) и Юрия Селявкина (Воронеж) дадут разведчикам ШХМ хорошую возможность потренироваться перед Олимпийским турниром **АРЧЕБЕКА**.

А. Белые: Крf8, Фh5, Кb6, Кс5, пп. e3, e4; черные: Крd6, Кg4, п. с6.

Б. Белые: Крh8, Фh7; черные: Крf8.

В задаче А, как пишет Саша, можно

объявить мат в 3 хода; в задаче Б, как утверждает Юра, мат в 4 хода.

А что показывает ваша разведка! Согласны вы с ними!

Разведчикам РШ и МШ тоже есть над чем поразмышлять:

В. Белые: a3, c3, e1, g5, h4; черные: a5, c5, d2, e5, h8.

Г. Белые: пр. 32, 35, 39, 50; черные: пр. 22, 44.

Как одержать победу белыми в этих позициях!

КОМУ ДОСТАЛСЯ МАЙСКИЙ ПРИЗ?

Правильных ответов поступило много, и призеров выявила жеребьевка. Это Володя Быстров (село Львовское), Володя Гиль (село Ивановка), Люда Пономаренко (Томск).

Шахмат-адмирал Ферзьбери благодарит всех костровцев, принявших участие в этом соревновании!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1.Фf7! Б. 1.g8K! b5 2.Ke7. В. 1.Фd6 Крe8 2.Фe5. Г. 1.Лс1! Сс7 2.Лg1 Сg3 3.Лg2. Д. Выигрыш — 1.Крg2! Крe7 2.Крh3! Крf6 3.Крh4 (но не Крg4?, после чего ничья) Крg6 4.Крg4 и т. д. Е. Выигрыш — 1.g7 f2 2.Сe7 f1Ф 3.Сf6 Ф:f6 4.ghФ+! Ф:h8 5.d4!

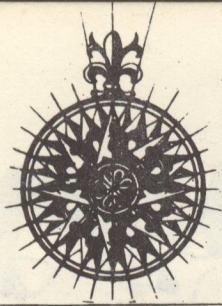
РШ. А. 1.bc3! 2.c3! 3.b2 4.gf2X. Б. 1.b4! c3 2.gf4! 3.cb2X. В. 1.dc7! 2.c7! 3.d6! 4.b6X. Г. 1.gс7! 2.e3! 3.d8X. Д. 1.f8 a3 2.d4! 3.d6!X. Е. 1.hd6! bc3 (или e3) 2.d8!X.

МШ. А. 1.48 31 2.43 32—37 3.48X. Б. 1.11! 2.18 3.2X. В. 1.10! 2.24X. Г. 1.28!X. Д. 1.23! 2.34! 3.28! 4.38 5.44X. Е. 1.33—28! 33 2.31! 3.39X.

Задание резерву. Тут выигрыш — 1.Сe3 Крb6 2.g5! и т. д.

Киоск «Мгновенная справка». 1.e4+! Ф:e4 2.Kf6+ (или 1...Кр:e4 2.Kd6+).

Шахмат-адмирал Ферзьбери

БАЛТИЙСКИЙ „ПОТЁМКИН”

О. ОРЛОВ

В городе Таллине (прежнее его название — Ревель) показали мне то самое место в бывшем Губернаторском саду, где царские палачи расстреляли славного революционера-большевика Арсения Коптюха и с ним семнадцать матросов с крейсера «Память Азова».

...Летом 1906 года крейсер отдал якорь неподалеку от Ревеля, в небольшой пустынной бухте. Сюда, подальше от бастовавших рабочих Ревеля, под предлогом проведения учений отослало крейсер морское командование. В Ревель матросов посылали только за продуктами.

19 июля вечером на «Память Азова» вернулся катер и вахтенный офицер принялся считать прибывших матросов.

— Пятый, шестой, седьмой...

Матросы спешили, на спинах они несли мешки с капустой, картошкой, хлебом.

— Девятый, десятый...

— Ваше благородие! — отвлек на секунду офицера унтер-минной команды.

— Двенадцатый, одиннадцатый... В чем дело, унтер?

— Так что, ваше благородие, в отсеках горелым пахнет...

Офицер сбился со счета.

— Ты что, с ума сошел? — спросил унтера вахтенный офицер. — Бегом в отсек! Я тотчас буду... Четырнадцатый, пятнадцатый... «Что за чертовщина? — подумал офицер. — Двадцать первый? Наверное, я ошибся...»

Пересчитывать матросов было поздно: один за другим они быстро исчезли в бронированной утробе крейсера. Офицер же, оставив за себя мичмана смотреть за порядком, побежал в минный отсек.

А двадцать первым на крейсер прошел переодетый в матросскую форму Арсений Коптюх...

Он принес на корабль весть о восстании солдат и матросов в Кронштадте и Свеаборге.

Поздно вечером в таранном отсеке собрался судовой комитет. Спорили, что делать. Одни были за то, чтобы немедленно восстать и помочь Кронштадту. Другие колебались: на корабле много новобранцев, темных крестьянских парней. Этим поднять на восстание будет трудно...

До полуночи затянулся спор. Между тем к вахтенному

офицеру пришел матрос-ученик, известный на крейсере доносчик: «На корабле — посторонний. Сам видел. Агитирует...» «Так оно и есть, — подумал офицер. — Не ошибся я. Двадцать первый это и был...» И он побежал докладывать старшему офицеру.

На крейсере начался обыск...

Окончание следует

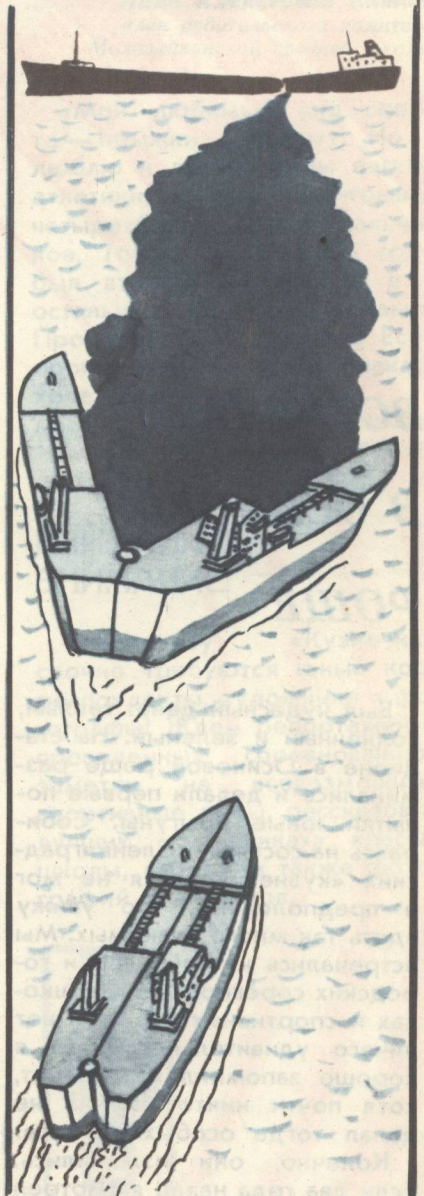

ШТОРМ

Надвигается шторм,
Надвигается шторм,
И уходят от берега звери...
И волна за волной,
И волна за волной
Наступают все злее на берег.
И из темных глубин,
Из холодных глубин
Набежала большая волна
И рыбацкую лодку,
Рыбацкую лодку,
Словно лапой, смахнула она.

Валерий Шамов

г. Харовск

ПОСЛЕДНЕЕ СООБЩЕНИЕ

ГОТОВЯТ ПОДАРОК

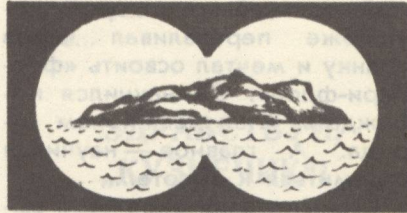
К 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина пионеры барнаульской школы № 1 готовят подарок — настоящий теплоход!

Судно будет построено из металла, который собирают ребята. Металла на большой теплоход нужно много. Поэтому барнаульские пионеры обратились ко всем ребятам Алтая с призывом помочь в этом важном деле. Тех, кто соберет больше всех металлолома, пригласят на спуск теплохода.

Ждите наших новых сообщений!

ОТКРЫЛИ ОСТРОВ

Можно ли в наше время найти новые, неизвестные земли? Оказывается, можно. Небольшой остров открыли датские исследователи. Остров невысок и обычно покрыт льдами, потому и не замечали его раньше. Лежит островок неподалеку от Гренландии. По дороге к Северному полюсу это пока самая близкая суша.

Шел по морю корабль. А впереди — громадное нефтяное пятно: после аварии большого танкера. Корабль — ближе. Люди смотрят: что такое — начал корабль на две половинки расходиться. Нос надвое разошелся, и стало два носа. И палуба — надвое. Стало две палубы. Только корма не разошлась, она на шарнире. И стал корабль похож на раскрытый циркуль.

Вошел корабль-циркуль в нефтяное пятно и принялся собирать нефть. Идет и словно сгребает ее с поверхности моря.

Вот какой корабль придумали конструкторы.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ ЮНЫХ ПРЫГУНОВ

ВСТРЕЧА В ОСИНОВОЙ РОЩЕ

Был чудесный день: теплый, солнечный и зеленый. На стадионе в Осиновой роще разминались и делали первые попытки юные прыгуны. Собираясь на состязания ленинградских «кузнечиков», я не мог и предположить, что увижу здесь так много знакомых. Мы встречались на районных и городских соревнованиях, в школах и спортивных залах. И нет ничего удивительного, что я хорошо запомнил этих ребят, хотя почти никто из них не делал тогда особых успехов.

Конечно, они изменились. Если два года назад я смотрел на Таню Кулакову сверху вниз, то теперь стало трудно определить, кто же из нас выше. Главная отличительная особенность характера Тани — ко всему относиться серьезно, и прежде всего — к себе самой. Помню, как подолгу, до седьмого пота она занималась силовыми упражнениями — у нее был слабоват толчок. Я спросил, выполнила ли она норматив первого разряда? Оказалось, Таня уже кандидат в мастера спорта...

Азартно боролись «кузнечики». Наташе Назаровой и Ире Осиповой не впервой оставаться перед планкой вдвоем. Чаще всего в этих поединках брала верх Наташа, но сегодня Ира прыгнула на пять сантиметров выше и завоевала первое место в своей возрастной группе. А вот Сережа Зайцев остался в гордом одиночестве. Соперники давно уже закончили соревнования, а он снова и снова заказывал очередную высоту. Это был уже не тот смущенный мальчишка, который неуклюже переваливал через планку и мечтал освоить «фосбери-флоп». Он научился побеждать. Стал чемпионом города. А главное — научился стремиться к высоте...

Соревнования окончены, выстроена шеренга победителей. Их ждут грамоты и подарки спортклуба «Кузнечик». Но церемония награждения неожиданно затянулась — исчез Сережа Зайцев. Мы увидели его на другом конце стадиона. Не обращая внимания на наши призывы, он что-то искал в траве. Ползал на четвереньках, выжидал, потом стремительно бросался вперед...

А когда вернулся, все увидели, за чем он там охотился. В его кулаке сидел самый настоящий, зеленый, длинноногий кузнечик...

А. ТОЛСТИКОВ

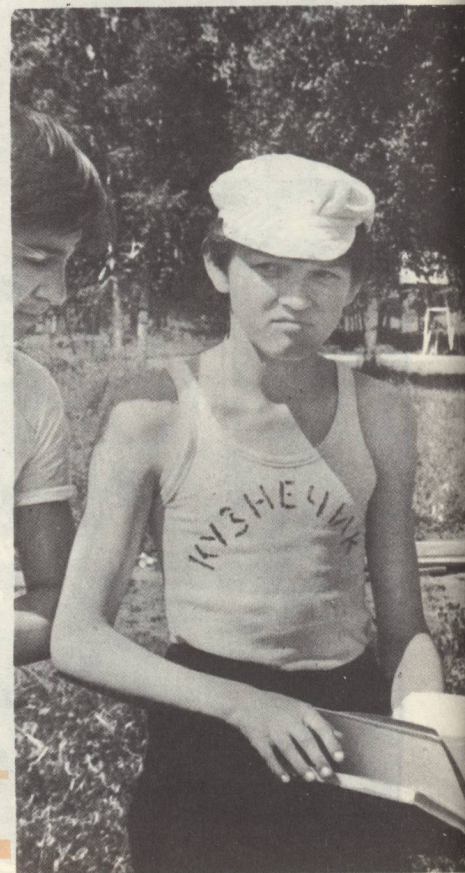

Фото С. Леонова

ЗАГАДКА РУСТАМА АХМЕТОВА

«...Я где-то читал, что один мальчик был невысоким и очень хотел вырасти. Поэтому он занимался специальными упражнениями и в самом деле вырос, на целых десять сантиметров. Расскажите, пожалуйста, об этом и посоветуйте, что нужно делать, чтобы стать выше...»

Витя Нагаев, Воронежж».

Наш корреспондент показал это письмо заведующему кафедрой легкой атлетики института им. П. Ф. Лесгафта, кандидату педагогических наук, заслуженному тренеру РСФСР Олегу Викторовичу Колодию. Вот что он рассказал:

— Мальчика, о котором пишет Витя, звали Рустам Ахметов. Он занимался у замечательного тренера Виктора Алексеевича Лонского. Сверстники намного переросли Рустама, и никто не надеялся, что ему удастся их догнать. Но Рустам очень хотел вырасти. Дома над своей кроватью он повесил обязательство: «Обязуюсь в этом году вырасти на пять сантиметров. Клянусь сделать это всеми силами. Р. Ахметов».

Каждый день он пил рыбий жир и ел много овощей. Придумал специальные упражнения. Влезал на гимнастическую стенку и висел, взявшись руками за верхнюю рейку. Рустам говорил Виктору Алексеевичу: «Вы видели, как хозяйки обращаются с тестом? Они берут его двумя руками и раскатывают, кусок все удлиняется. То же делаю и я. Ложусь на пригорки и качусь вниз...»

За год он вырос на пять сантиметров. На следующий год взял такое же обязательство, и снова — пять сантиметров... Рустам стал отличным спортсменом, мастером, защищал

честь сборной СССР на Олимпийских играх в Мехико...

Теперь о главном. Какие нужно делать упражнения, чтобы вырасти? Никаких. Если бы такие упражнения существовали, все было бы просто. Захотел вырасти — пожалуйста, только прилежно тренируйся и соблюдай определенную диету. Но в том-то и дело, что пока ученые не могут дать обоснованного, строго научного ответа на вопрос: что влияет на рост человека? Наследственность? Питание? Климат? Или все вместе?

Вы скажете — но ведь Рустам вырос! Верно. Но эти упражнения выполняли все ученики Лонского, а результата достиг один. Трудно сказать, почему. Пока это загадка.

Но самое интересное в этой истории — не загадочность. Самое интересное — характер мальчика, который мечтал вырасти, чтобы научиться высоко (выше всех!) прыгать. И мечта его была такой страстной, такой отчаянной, что он совершил, казалось бы, невозможное...

ЗДРАВСТВУЙ, „КУЗНЕЧИК“!

«Сначала мама долго не соглашалась, чтобы я вступила в спортклуб «Кузнечик». Я занимаюсь в музыкальной школе, и мама боялась, что я брошу музыку или начну плохо учиться. Но мы с папой доказали, что спорт не мешает учебе, а наоборот, помогает. Закаленный человек легче переносит всякие нагрузки и вообще он всегда здоровый, бодрый, не то что какая-нибудь размазня...»

Ира Жижкина,

г. Бор, школа № 9, 5-6 класс

«Мы живем далеко от вашего города, в Оренбургской области. Поселок наш маленький, и школа небольшая, но желающих вступить в клуб юных прыгунов оказалось очень много. Есть в школе и свои рекордсмены, Марина и Витя Тубни-

ковы — брат и сестра. Может быть, из наших теперешних «кузнечиков» вырастут в будущем чемпионы. А пока пусть они успешно выступают на областных соревнованиях, и то будет здорово...»

Нина Алексеевна Катан,
член родительского комитета
Малозайкинской средней школы

«Мой любимый вид спорта — прыжки в высоту. Но я люблю и другие виды легкой атлетики, три раза выигрывал четырехборье среди мальчиков. Только в прошлом году был вторым на кроссе, а в остальных видах — первым. Проигрывать не люблю. Если проигрываю, то прямо плакать хочется...»

Марат Исхаков,
село Балдурта, 6-в класс

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Спортклубу «Кузнечик» срочно требуются юные корреспонденты, художники и фотографы! Ждем репортажей о проведенных соревнованиях, заметок на всевозможные спортивные темы, рассказов о лучших «кузнечиках» класса, школы, города, а также фотографий и рисунков.

Такой спортивный вымпел учредила Ленинградская легкоатлетическая школа «Зенит» имени замечательного советского тренера В. И. Алексеева. С января будущего года им будут награждаться лучшие спортивные коллективы школ и пионерских лагерей — участники Олимпийского конкурса «Кузнечика».

Оформление
В. Итальянцева

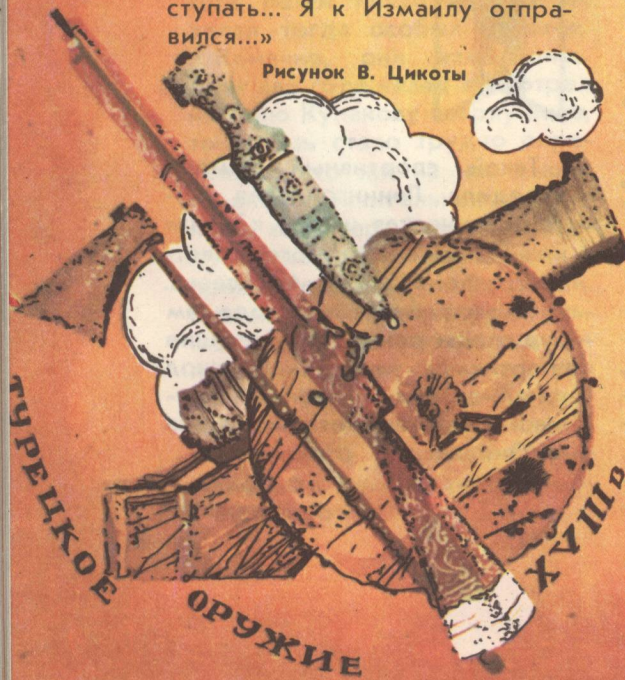
ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Донесения о выполнении наших заданий № 8 и № 9 каждый день поступают в редакцию. Как мы и ожидали, большинство участников игры верно установило, что слабоукрепленная крепость — Кинбурн, а полководец, сумевший не только защитить ее, но и организовать разгром огромного войска осаждающих, — А. В. Суворов. Назвали ребята и «грозную крепость», которую взяли русские войска, — Измаил.

Мы еще вернемся к вашим донесениям и назовем лучшие из них. А сейчас попробуем ответить на вопрос: как же пала неприступная твердыня перед суворовскими чудо-богатырями? И пусть нам помогут документы того времени и свидетельства очевидцев.

30 ноября 1790 г. Суворов получает приказ от главнокомандующего Потемкина: «Извольте поспешить туда для принятия всех частей в вашу команду...» Но вскоре, узнав, что русские войска уже начали отходить от крепости, Потемкин заколебался. К Суворову полетела новая депеша: «Если предвидится невозможность взять Измаил, то оставить». Ответ Суворова: «Намерение мое твердо, решено: два раза были русские у ворот Измаила, стыдно будет в третий раз отступить... Я к Измаилу отправился...»

Рисунок В. Цикоты

2 декабря. Суворов прибыл к войскам. Весть о его прибытии облетела армию. «Вы один, дорогой герой, стоите 100 000 человек!» — воскликнул генерал Рибас, встречавший полководца.

4 декабря. В стороне от крепости, там, где не могли заметить турецкие наблюдатели, по приказу Суворова вырыт глубокий ров и насыпан вал — точное подобие измаильского. Участник суворовских походов полковник Старков вспоминал о том, как Суворов «строит земляные укрепления, ставит в них по очереди каждую роту... поздно вечером собирает остальные роты и идет штурмовать эти укрепления».

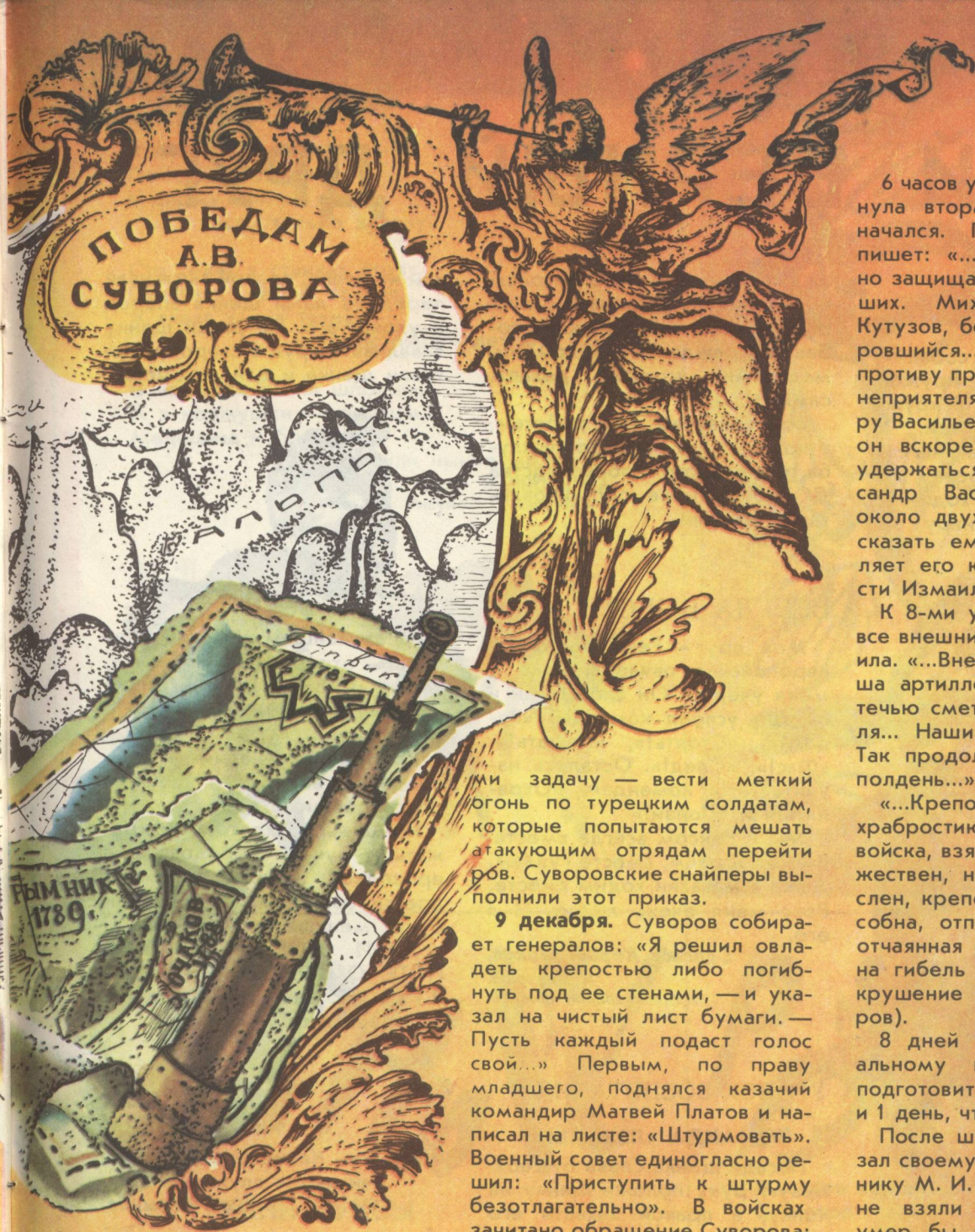
Обходя строй, Суворов узнает солдат и офицеров, проявивших себя храбрецами в предыдущих сражениях. Заметив героя битвы под Козлуджи майора Леонтия Неклюдова, Суворов обратился к солдатам: «Пусть офицер сей будет для вас примером! Равняйтесь на него!» Пройдет несколько дней, и в рапорте о взятии Измаила полководец назовет имя Л. Неклюдова, который «был впереди со стрелками, поражая неприятеля, храбро из первых взшел на вал...»

5—6 декабря. По указанию Суворова, доставлено 30 штурмовых лестниц и 1000 фашин.

«Александр Васильевич собрал лучших старых солдат, — читаем мы в воспоминаниях Старкова, — говорил им, что крепость непременно должна быть взята... Объяснял способ, как и в каком случае при штурме поступать...»

Учитывая, что в городе с узкими улицами и каменными строениями особенно трудно действовать и управлять войсками, Суворов разделяет армию на три отряда, каждый из которых делится на три колонны, состоящих из пехоты, артиллерии, конницы. Особое внимание в диспозиции отводится дезинформации противника: «Ракетами приучать ба-

6 часов утра. В тумане свернула вторая ракета... Штурм начался. Полковник Старков пишет: «...Неприятель... упорно защищал вал от штыков наших. Михаил Илларионович Кутузов, более двух часов борющийся... свою колонную противу превосходного числом неприятеля, послал Александру Васильевичу донесение, что он вскоре не будет в силах удержаться на валу... Александр Васильевич, пославши около двухсот человек, велел сказать ему, что он поздравляет его комендантом крепости Измаила».

К 8-ми утра русские заняли все внешние укрепления Измаила. «...Внеслась в крепость наша артиллерия и начала картечью сметать с ног неприятеля... Наши кинулись вперед... Так продолжалось гораздо за полдень...» (Старков).

«...Крепость Измаильская, храбростию порученного мне войска, взята! Приступ был мужествен, неприятель многочислен, крепость к обороне способна, отпор был сильный, и отчаянная оборона обратилась на гибель и совершенное сокрушение неприятеля» (Суворов).

8 дней понадобилось гениальному полководцу, чтобы подготовить войска к штурму, и 1 день, чтобы взять крепость.

После штурма Суворов сказал своему великому сподвижнику М. И. Кутузову: «Если бы не взяли Измаила, Суворов умер бы под его стенами и Кутузов тоже».

сурман, пуская оные в каждую ночь во всех частях перед рассветом».

7 декабря. Суворов направил коменданту Измаила предложение о сдаче: «Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю на ваше рассмотрение». Принимая письмо, турецкий генерал воскликнул: «Скорее небо упадет на землю и Дунай остановится в своем течении, нежели сдастся Измаил!»

8 декабря. Суворов выделил из армии 526 самых лучших стрелков и поставил перед ни-

ми задачу — вести меткий огонь по турецким солдатам, которые попытаются мешать атакующим отрядам перейти ров. Суворовские снайперы выполнили этот приказ.

9 декабря. Суворов собирает генералов: «Я решил овладеть крепостью либо погибнуть под ее стенами, — и указал на чистый лист бумаги. — Пусть каждый подаст голос свой...» Первым, по праву младшего, поднялся казачий командир Матвей Платов и написал на листе: «Штурмовать». Военный совет единогласно решил: «Приступить к штурму безотлагательно». В войсках зачитано обращение Суворова: «Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что никто не может противиться силе оружия русского».

Ночь с 9 на 10 декабря. «...Открыть со всех батарей и из судов канонаду, которая продолжится 6 часов», — приказывает Суворов. Турецкие войска изготвили к отражению штурма. Но его не последовало.

В ночь на 11 декабря. Артиллерия снова открыла мощный огонь. Он вновь продолжался 6 часов.

В 3 часа пополудни взвилась сигнальная ракета. Войска заняли исходные позиции.

ТВОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ

СОВЕТУЕМ ВСЕМ РЕБЯТАМ

Мы очень любим собак и сами организовали кружок «Юный пограничник». В кружке — двенадцать человек. У каждого — своя собака. Мы собираемся на дрессировку по воскресеньям. Часто ходим с собаками в горы, тренируя их

Это наша эмблема.

Задержание «нарушителя»

на выносливость. Летом играем в «Зарницу», устраиваем выставки, испытания. Лучших собак награждаем дипломами, медалями, которые делаем сами.

Мы советуем тем ребятам, у которых нет поблизости клуба служебного собаководства ДОСААФ, тоже организовать такие кружки.

ВСЕГДА ВМЕСТЕ

Мой друг — Рекс, восточно-европейская овчарка. Рекс у меня ученый. Он способный и быстро усвоил команды: «Рядом!», «Стоять!», «Лежать!», «Фас!», «След!». Осталось научить его командам «Охранять!» и «Ползи!»

Мы с Рексом всегда вместе. Вместе играем, вместе гуляем. Даже в магазин ходим вместе. Рекс меня очень любит. И я его.

Сергея Коробейников,
г. Павловск
Ленинградской области

УГОЛОК ВОСПИТАНИЯ

КОМАНДА «ЛЕЖАТЬ!»

Посади щенка слева от себя. Левую руку положи щенку на холку, а правой захвати его передние лапы у запястья. Скомандуй «Лежать!» и, одновременно нажимая левой ру-

кой на холку, правой вытягивай передние лапы щенка вперед и уложи его. Не давай щенку заваливать круп в сторону. Похвали щенка и дай лакомство.

В дальнейшем команду «Лежать!» отрабатывай (так же, как и «Сидеть!»), переходя к управлению щенком жестом с расстояния.

Расстояние увеличивай до пределов видимости щенком дрессировщика.

Команды «Сидеть!» и «Лежать!» лучше чередовать с проводкой щенка рядом с дрессировщиком. Тогда щенок будет меньше утомляться.

УМЕЙ ВОВРЕМЯ УЛОВИТЬ ПОТЕРЮ ЩЕНКОМ ИНТЕРЕСА К РАБОТЕ. Дай щенку погулять и порезвиться.

СПРАШИВАЙ— ОТВЕЧАЕМ

— Какие породы собак считаются служебными?

Юра Шлыков,
Тула

— Наш художник их нарисовал...

Восточно-европейская овчарка

Эрдель-терьер

Лайка

Доберман-пинчер

Колли

ПРИВИВКА

Я нисколько не шучу —
Помогаю ветврачу
И держу бинты и вату,
если только захочу.

Сто телят в станках стоят,
Сто телят на нас глядят,
А глаза у них такие —
настоящий детский сад!

В чемодан легли шприцы,
А в кормушки — солонцы...
Медицина и больные
были нынче молодцы.
Н. ЯНОЧКИНА
Рисунок Т. Капустиной

8

Рисунок В. Нефедовича

ЗАПОМНИ БУКВЫ

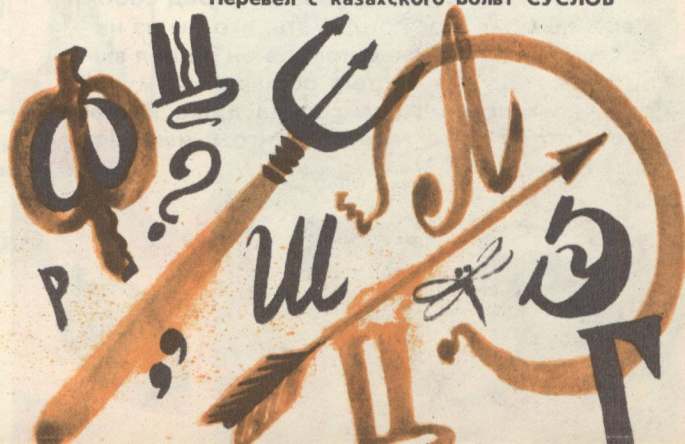
Музафар АЛИМБАЕВ

Запомнить буквы хочешь? Ну так что же!
Ты приглядишь: на что они похожи?
Возьми любую букву для примера...
А — это треугольник землемера.
Г — всем понятно: семафор закрыт.
Т — телеграфный столб в степи стоит.
Н — две подпорки с палкой посредине.
Л — горный пик со снегом на вершине.

М — две вершины снежные в горах.
С — серп стальной. И месяц в небесах.
Ж — жук ползет. Наверно, ищет что-то...
П — перед тобой футбольные ворота.
О — круг, кольцо, в котором нет конца.
Ш — вилы. Или вилка в три зубца.
З — кренделя узоры вырезные.
Э — погляди: стрелой разорван круг!
На что похожи буквы остальные
Теперь ты сам найти попробуй, друг!

Перевел с казахского Вольф СУСЛОВ

* * *
Этот ветер
выдумали листья:
захотелось им прошелестеть.

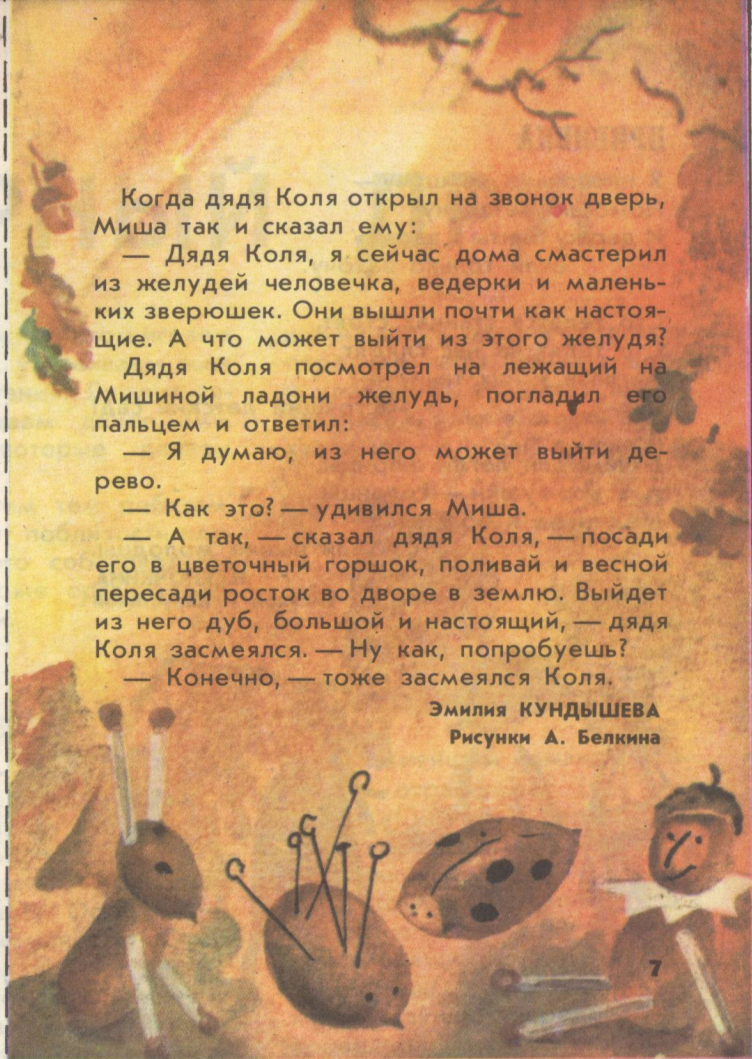
Эти лужи
выдумали тучи,
чтоб с земли
на небо посмотреть.

Это солнце
выдумали птицы:
им запеть хотелось поскорей.

Выдумали радугу на небе —
семь моих
цветных карандашей.

В. СТЕПАНОВ

2

Когда дядя Коля открыл на звонок дверь,
Миша так и сказал ему:

— Дядя Коля, я сейчас дома смастерил
из желудей человечка, ведерки и малень-
ких зверюшек. Они вышли почти как настоя-
щие. А что может выйти из этого желудя?

Дядя Коля посмотрел на лежащий на
Мишиной ладони желудь, погладил его
пальцем и ответил:

— Я думаю, из него может выйти де-
рево.

— Как это? — удивился Миша.

— А так, — сказал дядя Коля, — посади
его в цветочный горшок, поливай и весной
пересади росток во дворе в землю. Выйдет
из него дуб, большой и настоящий, — дядя
Коля засмеялся. — Ну как, попробуешь?

— Конечно, — тоже засмеялся Коля.

Эмилия КУНДЫШЕВА

Рисунки А. Белкина

7

ЧТО МОЖЕТ ВЫЙТИ ИЗ ЖЕЛУДА

РАССКАЗ

Возвращаясь из школы, Миша нашел во дворе под старым дубом девять желудей. Дома он сразу же принялся мастерить самоделки. Воткнув в желуды спички, он смастерил толстую свинку, длинноухого зайца, жирафу, немного похожую на козу, и пузатого человечка. Из чашек желудей у него вышли крохотные ведерки. Потом он взял крупный желудь, расколол его на две половинки, нарисовал на одной из них шесть точек, в другую вонзил десяток булавок из маминой коробочки — так получились божья коровка и ежик. Остался последний желудь. Миша долго крутил-вертел его перед собой и все никак не мог придумать, что бы из него смастерить. В конце концов он решил выбросить желудь вместе с оставшимся мусором, но вспомнил про соседа дядю Колю, про которого все говорили, что у него золотые руки.

6

ПОСОШОК

СКАЗКА

Одному старому муравью понадобился
посошок.

Вот он и заказал себе золотой!

Сделали ему муравьиные мастера золотой
посошок.

Только тяжело ходить с золотым!

Заказал серебряный.

Сделали ему серебряный посошок.

Тяжело ходить с серебряным!

Вздыхнул и заказал деревянный.

Сделали ему мастера деревянный посошок.

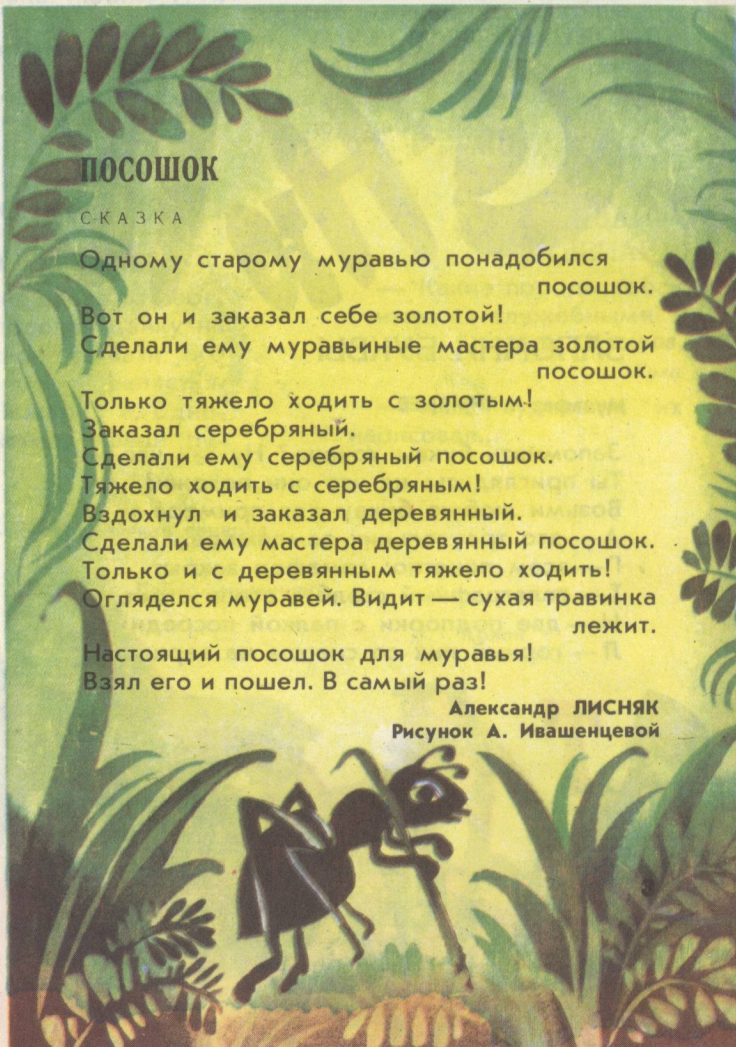
Только и с деревянным тяжело ходить!

Огляделся муравей. Видит — сухая травинка
лежит.

Настоящий посошок для муравья!

Взял его и пошел. В самый раз!

Александр ЛИСНЯК
Рисунок А. Ивашенцева

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАТРОСА КОШКИНА НА ШХУНЕ „УДАЧА“

Рисунки Б. Цыганкова

— Сколько кораблей в порту! Наверное, праздник. Украшу-ка и я шхуну флагами...

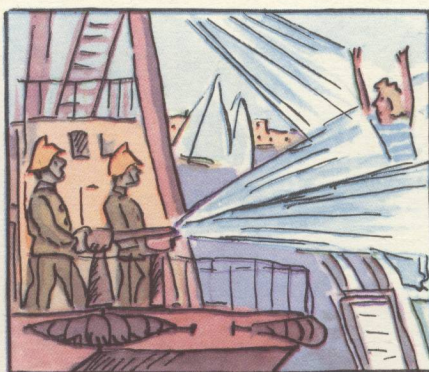

— Сначала — синие и красные... Теперь хорошо бы желтый с синим...

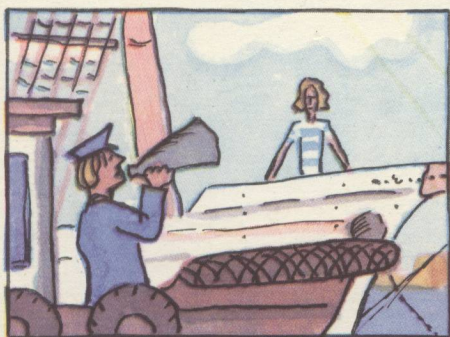
— Что такое? Что случилось?

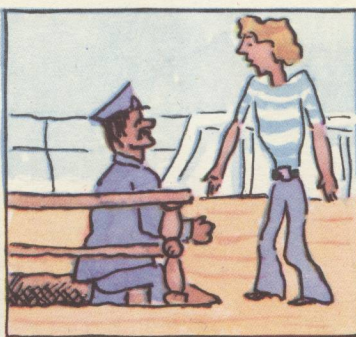
— Какие больные? Все — здоровы!

— Ой-ой-ой! Зачем вы нас поливаете?

— На шхуне! Вы на мели? Давайте буксирный конец!

— Я поднял только флажки... Хотел украсить нашу шхуну...

КАК ДУМАЮТ ЮНЫЕ МОРЯКИ? ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

СОДЕРЖАНИЕ

Первая мельница Республики <i>очерк Т. Орловской</i>	1
Остров Безветрия <i>повесть В. Воскобойникова</i>	4
«Барабан» <i>журнал юнкоров</i>	16
Поход продолжается <i>очерк Е. Матвеевой</i>	18
Стихи <i>И. Шюжиниса, А. Чокану, Л. Лапцуня, Х. Панеша</i>	20
Сердцем и именем <i>поиск юнкоров «Костра»</i>	22
Искусство революции <i>очерк И. Ерыкаловой</i>	24
Мы смотрим в мир	26
Что ты знаешь о ГДР? <i>конкурс-викторина</i>	27
Человек на мостике <i>очерк К. Арона и Л. Нижнего</i>	28
Гроза в Чернополье <i>рассказ Н. Андреевой</i>	30
Новости науки и техники	33
Семеро братьев <i>сказка Б. Сергуненкова</i>	34
За тебя, революция! <i>Жоржи из Маринья-Гранде</i>	36
Сильные, смелые, ловкие <i>заметка А. Лисняка</i>	38
Арчебек <i>шахматы, шашки, отдел ведет заслуженный тренер СССР Ю. П. Барский</i>	39
Морская газета	40
Спортклуб «Кузнечик»	42
Школа будущих командиров	44
Твой верный друг	46
Уголек <i>странички для малышей</i>	47

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
В. И. МАТВИЕНКО,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА
(зам. главного редактора),
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
А. Н. АЗЕМША
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
Т. В. АЛЕКСАНДРОВА

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-10231. Сдано в набор 03.08.79. Подписано к печати 02.10.79 г. Формат 60×90%. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,8. Печать офсетная. Тираж 637000 экз. Заказ 4661. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

РИСУНКИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Все ленинградцы любят свой город.

Ленинград очень красив. Он хорош и в будние дни, и в праздники, и ясным утром, когда люди спешат на работу и заполняют улицы, и в белые ночи, когда разводят мосты и все затихает...

Таким увидели и нарисовали свой город юные художники Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова.

**ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ
В БЕЛУЮ НОЧЬ**
Ира Мазулова, 7 лет

**АНИЧКОВ МОСТ
В ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ**
Катя Ситдикова, 10 лет

МОСТ ЛОМОНОСОВА
Марианна Яковлева, 9 лет

